

Д.А.Сафонов

Начало оренбургской истории
(Создание Оренбургской губернии в середине XVIII в.)

Оренбург
2003

«...такой счастливый случай пришел чужими людьми чужое в свою вечную пользу доставать».

И.Кирилов.

«вышеупомянутые новые владения присовокупятся и страх на обе стороны прибудет, что во время какого воровства башкирцев кайсаками, а кайсаков башкирцами смирать...»

И.Кирилов

История о том, как в первой половине XVIII века был трижды основан Оренбург и как благодаря усилиям выдающихся исследователей возникла Оренбургская губерния, широко известна. Она растиражирована в книгах, учебниках, популярной и краеведческой литературе. Основная канва событий представляется настолько четкой и устоявшейся, что создается впечатление, что обо всем этом невозможно сказать ничего нового. Отдельные моменты приблизились по сути своей к своеобразным аксиомам – не требующим доказательств по причине всеобщности – знают все, всё более чем очевидно и т.д.

Пиетет сочинений прошлых лет довлеет над нами. Хрестоматийный глянец не позволяет увидеть сразу несуразности и несостыковки в, казалось бы, общеизвестном рассказе. Но достаточно проявить здоровый скептицизм и тронуть несколько кирпичиков, вызывающих сомнение, чтобы все здание истории основания ощутило дрожнуло, угрожая развалиться.

Следует, наконец, признать, что возникновение Оренбурга не есть итог продуманной программы освоения окраин империи, не есть достижение ученых и исследователей, а прежде всего результат досаднейшей ошибки, даже авантюры. История основания Оренбурга в том варианте, с которым мы все имеем дело, есть не более чем миф, легенда. Об этом мы и постараемся рассказать.

Глава 1. Создание мифа.

Тема основания Оренбурга и Оренбургского края имеет достаточно богатую историографию – ей занимались как местные историки, так и исследователи, создававшие труды обобщающего характера. Оренбургская экспедиция была не просто локальным событием, но важным звеном в цепи последующих, кардинально изменивших геополитическую обстановку на юго-востоке.

Первым описателем начального этапа оренбургской истории стал П.И.Рычков. Он достаточно методично и подробно изложил ход событий первых двух десятилетий.¹ В «Истории России» С.М.Соловьева экспедиция и строительство губернии рассматривались в контексте общероссийской истории 2-й четверти XVIII века. Оба автора весьма высоко отзывались о руководителе экспедиции – Иване Кирилове: первый – потому что работал под его руководством, второй без тени иронии называл его «оренбургским основателем, открывшим Новую Россию».²

Эти два сочинения и создали основную базу, на которой строили свои работы писавшие позднее – Р.Игнатъев, В.Витевский, А.Добросмыслов, А.Алекторов, Н.Модестов и др.³ Все они были прежде всего исследователями-краеведами, и методика у них была в принципе единой – каждый последующий использовал повествование предшественника (предшественников) и дополнял его новыми фактами.⁴ Отсюда новая информация вкладывалась в уже заданное и никак не оспариваемое русло готовой схемы, уже заданной концепции. Общепринятые положения лишь подкреплялись новыми данными, обогащались деталями, любопытными штрихами. А это, в свою очередь, извлекалось по большей части из официального делопроизводства – Уфы (Игнатъев) и тургайского правления (Рычков, Левшин, Витевский, Добросмыслов).

Все работы 2-й половины XIX – начала XX веков имели единое концептуальное решение – не столько по причине безусловного единодушия, сколько потому, что оспаривать что-либо никому вообще не приходило в голову. Значительно легче было присоединиться к уже имеющемуся авторитету – Рычкову или Соловьеву. Поскольку почти никто из названных краеведов не обладал профессиональными навыками исторических исследований, то критики источников в их трудах практически не было. Зато все без исключения абсолютизировали любую информацию, взятую у Рыčkова (по причине того, что он очевидец). Кроме того, они абсолютно верили в официальные документы, найденные ими в архивных делах, и особенно тексты нормативных актов – законов, инструкций, «изъяснений» и прочих документов, опубликованных в Полном собрании законов Российской империи. Иначе говоря, авторы исходили из посылки – раз в документе сказано – так оно, безусловно, и было.

¹ Рычков П.И. История Оренбургская (1730-1750). – Оренбург. – 1896.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. - Т.Х. – М., 1963. - С.592.

³ Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 1-4. Казань, 1889-1895; Добросмыслов А. Тургайская область. Исторический очерк. // Известия Оренбургского Отдела императорского русского Географического Общества. - Вып.15. – Оренбург, 1900. – С.1-124; Добросмыслов А.И. Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 годах. // Труды Оренбургской Ученой Архивной комиссии (ОУАК). - Вып. VIII. – Оренбург, 1900; Модестов Н. Основание г.Оренбурга и первоначальное благоустройство его (по донесению ст. сов. Ивана Кирилловича Кириллова в св.Синод). – Труды ОУАК. - Вып.35. – Оренбург, 1917. - С.73.

⁴ Только несколько примеров. В.Витевский, повествуя о восстании Карасакала, подчеркивал, что у него рассказ подробнее, чем у Соловьева, поскольку дополнен из Игнатъева – его статьи «составленной на основании сырых материалов, извлеченных из местных архивов». [Витевский В. Ук. соч. - С.164.] А.Добросмыслов, предлагая читателю «одну страницу из истории Оренбургского края», писал, что он познакомился с литературой и делами и «нашел», «что весьма многие подробности еще не известны в литературе». [Башкирский бунт... - С.3-4.]

В дооктябрьский период возник значительный массив литературы, имевший единые базовые положения: Россия естественным образом имела право на расширение на юго-восток, движение туда было реализацией планов Петра Великого, талантливые руководители экспедиции делали все для ее успеха, а башкиры, соответственно, мешали.

Даже удивительно - если в иных проблемах и сюжетах советская и дооктябрьская историографии ощутимо расходились (порой диаметрально), то в данном случае наблюдалось трогательное единство. Восторги гением Петра и его начинаниями и пылкие дифирамбы императору свойственны авторам как той, так и иной эпохи. Помехи на пути этих преобразований воспринимались как досаднейшие препятствия великому делу.

Романтическая и максимально героизированная история основания Оренбурга, созданная местными краеведами, удачно вписалась в отечественную историографию. После революции авторы 20-30-х годов создавали свои «труды», активно, но «критически» используя работы дореволюционные, и потому версия продолжала существовать, неожиданно найдя поддержку в концептуальных установках уже советской поры – о добровольности вхождения народов в состав Российского государства, о праве России расширять свои владения, о прогрессивности освоения краин и т.п.

В советской историографии постепенно оформились два параллельно развивающихся направления: собственно историческое и историко-географическое (в принципе деление условное, поскольку к последнему примыкали и некоторые историки). Происходило своеобразное взаимное опыление: географы находили поддержку своим тезисам у историков, а историки получали подтверждение таковым у географов. В то же время, и те, и другие базировались на достижениях дореволюционной историографии.

На наш взгляд, можно говорить о существовании сегодня двух вариантов (версий) концептуального видения целей, задач, хода Оренбургской экспедиции.

Версия первая: экспедиция была сугубо научной, вызванной конкретными условиями – стремлением казахов перейти под власть России. Данная версия создана преимущественно авторами, писавшими на историко-географические темы.⁵ Для них характерно обязательное акцентирование внимания на научном (особенно – географическом) вкладе в науку того или иного деятеля, причастного к экспедиции; сосредоточение внимания именно на научных мероприятиях (все прочее упоминается скороговоркой, проходит как бы на втором плане); а также почти полное абстрагирование от конкретно-исторических условий и потому удивительная легкость в обращении с фактическим материалом.

Все историки географии отмечали исключительно научный характер экспедиции, рассматривая ее как логическое продолжение реализации давнего курса и мечтаний Петра I. Исходя из этой установки давались и оценки знаменитого проекта

⁵ Иофа Л.Е. Современники Ломоносова И.К.Кирилов и В.Н.Татищев. – М.: гос. изд-во географ. лит-ры. 1949; Иофа Л.Е. Города Урала. – Ч.1. Феодальный период. – М.: гос. изд-во географ. лит-ры, 1951; Люди русской науки. Очерки о выдающихся деятелях естествознания техники. Геология. География. М.: гос. изд-во физико-математической литературы, 1962; Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. – Т.III. Географические открытия и исследования нового времени (середина XVII – XVIII в.) – М.: Просвещение, 1984; Мильков Ф.Н. П.И.Рычков. Жизнь и географические труды. – М.: гос. изд-во географ. лит-ры, 1953; Новлянская М.Г. Иван Кирилович Кирилов. Географ XVIII века. – М.-Л.: Наука, 1964; Отечественные экономико-географы XVIII-XX вв. – М.: гос. учебно-пед. изд-во Минпроса РСФСР, 1957; Трутнев И.А. И.К.Кирилов – выдающийся географ XVIII века (к 300-летию со дня рождения) // География в школе. – 1990. - №3. – С.21-23; Чибилев А.А. В глубь степей. Очерки об естествоиспытателях Оренбургского края. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993.

Кирилова. Неудивительно, что, высоко оценивая научную значимость экспедиции, все авторы столь же высоко оценивали личности ее руководителей. Факт, что экспедицией руководили ученые, подтверждал тезис об ее преобладающем научном характере. Разумеется, наибольшие дивиденды достались на долю вдохновителя и руководителя – Ивана Кирилова.

Таким образом, была выстроена четкая схема: выходец из народа благодаря исключительно своим талантам сделал карьеру; был верным продолжателем дела Петра. Он много и плодотворно занимался картами, научной работой; организовал экспедиции – вторую Камчатскую и Оренбургскую, куда его в итоге назначили руководить.

Все, писавшие об экспедиции с упомянутых позиций, неизбежно наткнулись на «неудобный» вопрос – о башкирах и их борьбе. В самом деле, если строго следовать версии о мирном, сугубо научном характере экспедиции, то в нее с трудом можно ввести объяснение ожесточенного башкирского сопротивления. Одним из способов обойти этот вопрос было умолчание – прямо не говорилось, но по сути изложения подразумевалось, что «новая Россия» создавалась на пустующих, никому не нужных землях. Другой способ заключался в перекалывании ответственности на самих башкир. Выступления их были заклеены как реакционные.⁶ В итоге башкиры стали восприниматься как досаднейшая помеха важному делу.

Авторы-географы, как правило, не погружались, и судя по всему, не хотели погружаться вглубь исторического материала. И как следствие – появление в работах неточностей, причина которых – незнание исторических реалий.⁷

Кстати, именно на трудах этого типа (мы имеем в виду – географических), судя по всему, и базировались работы исторических беллетристов, в частности, В.С.Пикуля. В его романе «Слово и дело» (Т.2) есть страницы, посвященные Оренбургской экспедиции. Как нам кажется, Пикуль взял за основу книгу М.Новлянской, поскольку он повторял фактически все ее тезисы: демократичность и гуманизм Кирилова (кстати, упорно именуя его «Кирилловым»), бескорыстное служение его науке⁸. Из всех авторов, только М.Новлянская не признавала за В.Татищевым достаточного научного веса, выделяя прежде всего его отрицательные качества. В.Пикуль воспроизвел практически все, только подав это более литературно: «Еще земля не просохла на могиле Кириллова, как бурей налетел⁹ на Оренбургский край Татищев: - Плохо здесь все! Напортили тут... изгадили! Родовитый дворянин ничего не прощал простолюдину».¹⁰ Пытаясь доказать, что Кирилов был выдающимся исследователем, а

⁶ Наиболее четко это было выражено М.Новлянской: в основе всего лежало недовольство «старшин-феодалов» [Ук. соч. - С.108.], которые придали антирусский, антинародный характер восстанию, для чего «главари (sic!) восстания» [Там же. - С.117.] прибегали к насилию. Трудящиеся же башкиры были, разумеется, против этого и потому значительная часть населения Башкирии якобы вступила в борьбу с мятежниками. [Там же. - С.110.]

⁷ Так, например, А.Иванов утверждал, что Татищев перенес город «на новое место, где он и находится в настоящее время». [Люди русской науки. - С.312.] М.Новлянская заявляла, что Татищеву якобы было «предложено (!) продолжить все начатые Кириловым мероприятия». [Ук. соч. - С.128.] А.Чибилев называл секретаря Сената «сенатором». И. и В. Магидовичи писали, что Оренбург был задуман как «форпост против джунгар» [Очерки... - С.21.]; они же утверждали, что с 1741 г. Оренбургскую комиссию возглавлял Петр Рычков. [Там же. - С.22.]

⁸ В видении Пикуля, Кирилов хотел как лучше – создать «землицу райскую», а получилось... «иначе». И оттого Кирилов и умер – «в полном отчаянии». [Пикуль В.С. Слово и дело. – Т.2. – Лениздат, 1975. - С.250.]

⁹ Там же. - С.252. Кстати, «налететь» Татищев никак не мог – тяжело больным его доставили к новому месту службы, которого он совершенно не желал, на носилках.

¹⁰ Продолжение цитаты: «Человек из подлого состояния вышедши, - утверждал Татищев, - географии познать не способен...» [Там же. - С.253.] Сравните: «В его оценке деятельности Кирилова сквозит явное

Татищев – соответственно – ничтожеством, писатель рисует весьма впечатляющие картины фактического разгрома экспедиции Татищевым – «аки пес, слюною брызжа», со «спесью старобоярской»: «донос за доносом – на мертвого. Брань и кулаки – живым».¹¹ Следуя за Новлянской, В.Пикуль приписывал Татищеву стремление разрушить все, сделанное Кириловым – «даже» Оренбург.¹² Походя, Пикуль делал немало фактических ошибок - якобы карты, созданные Кириловым, были верны; якобы он не получил от казны ни копейки; город Оренбург (Орск) был поставлен на заранее четко определенном месте¹³, неведомые ханы требовали от Кирилова оставить основанный город для них(?) и уходить прочь и др.

Все это свидетельствует прежде всего о том, что автор, не вникая достаточным образом в материал, ограничился готовыми суждениями, причем только одного исследователя. Возможно возражение, что писатель имеет право на фантазию. Это так, но на наш взгляд, для формирования исторических представлений у широких масс данное художественное произведение В.С.Пикуля сделало гораздо больше, нежели десятки специальных публикаций. Следует ли удивляться, что версия основания Оренбурга кажется всем безусловно доказанной?

Несколько особняком, но в целом в русле названной версии, стоят работы историков. Они, разумеется, ощутимо лучше фундированы, в них задействуется порой значительный архивный материал – но по сути они повторяют все те же базовые положения. Историки обращали больше внимания на «казахский» момент. Но сосредоточение внимания на нем нередко приводило к фактическому умолчанию «башкирского».

Труды, издаваемые в столицах, становились базой для трудов региональных. В регионах обязательно появлялись публикации, по ряду причин – субъективных и объективных – становившиеся базовыми для всех прочих. Пожалуй, определяющей в видении сюжета для Оренбуржья на достаточно долгий срок стала соответствующая часть главы «Далекое прошлое» в книге «Орденосное Оренбуржье» (1968), написанной сотрудником краеведческого музея С.А.Поповым.¹⁴ Книга представляла собой нечто вроде справочника об Оренбургском крае, и исторические главы в ней вплоть до 90-х годов оставались наиболее подробным рассказом по основным вехам оренбургской истории. С.Попов выстраивал следующую схему: казахов надо было спасти от истребления, и именно потому решено было возвести на границах город и крепости. По счастью, дело было поручено ученым и талантливым руководителям, которые не только изучили, но и освоили пустующие территории, где и возник Оренбургский край. Несколько мешали башкиры, видимо, не понимавшие значимости

пристрастие и плохо скрытое раздражение родовитого шляхтича, считавшего науки, в частности географию, исключительной привилегией дворянства, против выходца из сословных низов». [Новлянская М. Ук. соч. - С.130.]

¹¹ Пикуль В. Ук. соч. - С.253. Писатель утверждал, что Татищев якобы ложно обвинил бухгалтера Рычкова в махинациях – но скажите, кто должен отвечать за совершенно запущенные финансовые дела? Ботаника Гейнцельмана и художника Д.Касселя, по мнению Пикуля, Татищев, «озверев», изгнал просто за то, что те иностранцы.

¹² Забавно, что субъективизм решения о переносе города на второе место Пикуль доказывал тем фактом, что при Неплюеве город перенесли снова. На этом месте осталась «влачившая жалкое существование станица», а вот на месте, определенном Кириловым «жизнь угаснуть не смогла» - он «верно соорудил город на добром месте, и сейчас там живет гигант промышленный – по названию Орск!» [Там же. - С.254.]

¹³ Пикуль придумал целую сцену о том, как Кирилов делится с женой новостями – «степными ханами» ему якобы была предложена взятка, чтобы он Оренбург на месте намеченном «не фундавал». В уста герою вкладываются слова: «Коли ханам степным Оренбург на сем месте неудобен кажется, знать, именно там город ставить надобно для пользы русской». [Там же. - С.51.]

¹⁴ Попов С.А. Далекое прошлое. // Орденосное Оренбуржье. – Челябинск: ЮУКИ, 1968. - С.59-106.

научных изысканий и сбиваемые с толку феодалами. Позднейшие оренбургские авторы использовали материал Попова, повторяя за ним и рассуждения и ошибки. Собственно работу Попова можно назвать обобщенной концепцией первой версии.

Версия вторая: экспедиция – есть давно задуманная операция по захвату Башкирии и жесткому включению ее в состав России. Эта версия формируется в трудах преимущественно башкирских авторов.

Непринятие ими вышеприведенной схемы версии номер один более чем логично и естественно – она не только, как нам кажется, оскорбляет национальное достоинство, но и весьма уязвима в плане фактов, прекрасно известных местным исследователям. Выше уже говорилось, что первая версия отводила башкирам совершенно несоответствующую действительности второстепенную роль, едва ли не статистов, в великом спектакле «Освоение Южного Урала».

Разумеется, в период догматизированной советской историографии, данной версии – версии номер два - места на страницах книг не было и не могло быть. Робкие намеки в отдельных публикациях показывают, насколько трудно было проводить идеи, несогласные с общепринятыми. Как нам кажется, своеобразной попыткой этого было отстаивание рядом башкирских историков (И.Акманов и др.) взгляда на башкирские восстания как явление прогрессивное.

Ощутимые перемены произошли в пост-советский период. Долго замалчиваемая тема стала популярной – и, как следствие, за прошедшее десятилетие увидело свет столько работ, что они уже создали достаточную базу для распространения своего видения предмета.

В самом общем виде основные моменты схемы, принятой сегодня в башкирской историографии, сведены воедино, как нам представляется, в статье академика Р.Кузеева (1999). С самого начала башкиры настойчиво боролись за независимость. Столь же настойчиво Российская империя стремилась их подчинить и ассимилировать. Сопротивление башкир играло весьма важную роль: «Непокорный Башкортостан препятствовал реализации стратегических целей царизма». Окончательное завоевание было предпринято в первой половине XVIII века – когда в окружении Петра I родился «гигантский план строительства крепостей вокруг Башкирии». Его осуществление обеспечило полное покорение.¹⁵

Самая серьезная ошибка всех авторов этого направления – изначальная убежденность в том, что всё (Экспедиция прежде всего) было затеяно *исключительно* против башкир.¹⁶ При этом косвенно подчеркивалась их некоторая особость – как силы, могущей противостоять вторжению, оказать сопротивление, противодействие

¹⁵ Кузеев Р. Башкортостан: чтобы заглянуть в будущее, надо знать прошлое. // Ватандаш. – 1999. - №4. – С.180-181.

¹⁶ Так, А.З.Асфандияров (1968) полагал, что «правительство и его представители в Башкирии были озабочены одной мыслью» – сделать невозможными башкирские восстания. А потому первым шагом в этом направлении стала Оренбургская экспедиция [Асфандияров А.З. Введение кантонной системы управления в Башкирии. // Из истории Башкирии (дореволюционный период) / Ученые записки Баш. гос. ун-та. – Вып.35. Серия исторических наук. №7. – Уфа: изд-во БашГУ, 1968. - С.153-164.] Ф.Гумеров, публикатор законов «о башкирах», объявил, что в «Изъяснении» И.Кирилова и нескольких иных документах содержится ни много, ни мало, как «комплексная программа освоения (колонизации) Башкирии». [Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. – Уфа: Китап, 1999. – С.88.] И что же? Приводя текст «Изъяснения» (напомним – «...о киргиз-кайсацкой и каракалпакской ордах»!!!), публикатор ухитряется все свести к башкирам, делая скромную сноску: «Проект дан в небольшом сокращении. Сокращены те моменты, которые никакого отношения к башкирским делам не имеют» [Там же. – С.101.] Опущена значительная часть текста о казахах и каракалпаках – в итоге из оставшегося естественно выходит, что все было затеяно против башкир.

царской власти.¹⁷ Потому все факты трактовались соответствующим образом, отбирались нужные, а не вписывающиеся в заданную картину – опускались. Как следствие, в этих работах почти игнорируется «казахский» аспект проблемы – принятие подданства и проч.

Следует подчеркнуть, что в работах башкирских исследователей наличествует значительно большее количество совершенно правильных наблюдений и суждений, нежели у сторонников первой версии. Так, над ними совершенно не довлеет авторитет «великого географа» Кирилова. Они оценивают его заслуги значительно менее эмоционально и ближе к истине – не за заслуги в деле развития географической науки, а именно как руководителя экспедиции.

Имея свое видение темы, сторонники второй версии, тем не менее, сходятся во мнении со сторонниками первой в части, касающейся устремлений Петра и его последователей. Так, И.Акманов оценивал проект Кирилова как отражение назревших задач государства на юго-восточной окраине.¹⁸ По мнению Р.Букановой создавались «широкие возможности для осуществления планов, вынашиваемых еще Петром».¹⁹ Созвучна данному тезису о Петре позиция американского автора А.Донелли. В основе всей его работы лежит часто повторяемый тезис о якобы постоянно существующей концепции стратегии России движения на юго-восток.²⁰ Уфимскому изданию книги А.Донелли, удостоенного звания почетного академика РБ, были предпосланы статьи башкирских профессоров, как бы «дожимающих» работу в нужных местах. Это дает возможность увидеть определенную позицию сегодняшней башкирской историографии. Уфимских исследователей особо устраивает у Донелли тезис об экспансионизме, присущем России. Один из авторов, И.Акманов, развивает таковой в написанной им главе в академическом издании «Истории Башкортостана». Так, он приводит слова П.Рычкова о том, что Петр «изволил особое попечение иметь...своевольный башкирский народ на вечное время обуздать». А далее продолжает от себя: «и превратить Башкирию в плацдарм для наступления на Казахстан и Среднюю Азию». Соображения Петра, по мнению историка, в дальнейшем «получили более детальную разработку в проектах ... В.Н.Татищева и ... А.П.Волынского». А проект Кирилова в итоге «являлся синтезом и дальнейшим развитием перечисленных выше планов».²¹ Позиция автора более чем понятна: русские хотели всегда «обуздать» башкир и шагнуть дальше в Азию. Но вот незадача, вообще-то, у Рычкова сказано несколько иначе: «изволил особое попечение иметь [и о том, чтобы вышеописанную безопасность на самых тех местах, где ныне с помощью Божией

¹⁷ Налицо явное преувеличение возможности сопротивления с их стороны. Так, И.Акманов утверждал, что включение в состав Экспедиции регулярных полков есть доказательство того, что «власти не исключали возможности сопротивляться со стороны башкир». [Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII вв. – Свердловск: УрГУ, 1991. - С.100-101.] Иной вариант – нужны были рабочие руки для строительства крепости - не рассматривался в принципе. А.Акманов, безусловно верно писавший, что массовое строительство в крае в связи с Экспедицией «показывало стремление властей установить более прочные позиции в крае», далее заключал: «Правительство намеревалось распорядиться природными и людскими ресурсами Башкирии без учета мнения коренных жителей». [Акманов А.И. Земельная политика царского правительства в Башкирии (вторая половина XVI – начале XX вв.) Уфа: Китап, 2000. – С.171.] Как тут не воскликнуть – а было ли когда, чтобы российское правительство той эпохи учитывало чье бы то ни было мнение? Ну, например, русских?

¹⁸ Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства... – С.98.

¹⁹ Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. – Уфа: Китап, 1997. – С.100.

²⁰ Донелли Алтон С. Завоевание Башкирии Россией 1552-1740: Страницы истории империализма. – Уфа, 1995. - С.97, 102, 112 и др.

²¹ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. – Уфа: Китап, 1997. - С.221.

новая оренбургская линия строится, действительно основать, и чрез то героичным своим намерением путь во всю полуденную Азию отворить], а своевольный башкирский народ на вечное время обуздать».²² Подобную поэтическую фразу вполне возможно трактовать и по-иному; скажем, как стремление открыть «окно в Азию» – уместно напомнить, что «окно в Европу» никто не объясняет направлением русской экспансии на Запад.

К сожалению, упрощенное видение ситуации получает в сегодняшнем Башкортостане более широкое распространение, нежели подлинно научное. Порой упрощение доходит до вульгаризации. Так, кандидат исторических наук Ф.Гумеров, во введении к сборнику документов по истории Башкирии, позволил себе откровенную фальсификацию, заявив, что «Роль и значение Башкирского края, пожалуй, раньше других правителей Руси понял Петр Великий, говоря: «Оренбургский край всем Средне-Азиатским странам и землям есть ключ и врата»».²³ Кстати, он же воспроизводил и приведенную выше из «Истории Башкортостана» усеченную цитату Рычкова, сопроводив комментарием, убедительно свидетельствующим, что прочитав собственно Рычкова автор явно не удосужился: «Рычков в своей книге приводит сведения о том, что в начале XVIII в., после победоносного окончания Северной войны, император «соизволил особливое попечение иметь»... и т.д.»²⁴

Разумеется, мы не беремся утверждать, что все работы по данной теме обязательно должны принадлежать к одной из двух упомянутых групп литературы. Есть труды, авторы которых по той или иной причине не высказываются по спорным сюжетам. И все же, оценивая историографическую картину в целом, следует указать, что и в работах сегодняшнего дня присутствует мощный отзвук массива публикаций прошлых десятилетий – с большим количеством неточностей.²⁵ Но можно ли ставить это кому-либо в укор? Новые авторы, естественно, ориентируются на существующую литературу - и, как следствие, вольно или невольно, способствуют поддержанию и дальнейшему распространению устаревших концепций. В конце концов, далеко не каждый отважится оспаривать казалось бы общепринятое.

Еще одна проблема заключается в том, что разные авторы, так или иначе касаясь интересующей нас темы, освещали только нужные им аспекты, игнорируя прочие. Так, историки географии интересовали только личности и их вклад в географическую науку, но при этом они абстрагировались от конкретно-исторической обстановки. Историки Башкирии «забывают» о «казахском» вопросе; историки Казахстана – поступают с точностью до наоборот; историки Оренбуржья, ловко манипулируя понятиями «Оренбургская комиссия», «Оренбург» и т.п. создают иллюзию того, что все происходило именно на территории Оренбуржья, а не в какой-нибудь Башкирии; а еще есть историки казачества ... и проч., и проч., и проч.

²² Рычков П. История Оренбургская. – С.4. В скобки взят выпущенный авторский текст.

²³ Законы Российской империи о башкирах... - С.14, 88. И эта откровенно лживая «цитата» была повторена в книге дважды! В самом деле, о каком «Оренбургском крае» мог говорить Петр? Напомним, что на самом деле речь шла ... о «киргиз-кайсацкой орде» (см. полную цитату далее).

²⁴ Там же. – С.88. Из чтения комментариев становится ясно, что все цитаты «из Рычкова» взяты, в свою очередь, из «Истории Башкортостана». Вот уж воистину – сам не читал, но суждение имею!

²⁵ Так, в Большом энциклопедическом словаре, находящемся в Интернете, есть соответствующая статья. Она гласит буквально следующее: «ОРЕНБУРГСКАЯ экспедиция - создана в 1734 по проекту И.К.Кирилова для строительства системы укреплений на границе с Башкирией. В задачу Оренбургской экспедиции входила также организация торговли России со Ср. Азией, разведка полезных ископаемых и др. Основала крепости Оренбург, Орск. Оренбургскую экспедицию возглавляли И.К.Кирилов, В.Н.Татищев, И.И.Неплюев и др. В 1744 в связи с созданием Оренбургской губ. Оренбургская экспедиция прекратила существование». Здесь ошибки есть в каждой фразе!

Итак, версия событий, начавшихся почти 270 лет тому назад, утвердилась более чем устойчиво. За многие десятилетия изложение событий настолько устоялось, что все неувязки скрыты, неточности забыты, «опасные» моменты преданы забвению. Выступить сегодня с иным видением событий – значит, явно вызвать на себя критику многих и многих. И все же – попробуем. Хочется подчеркнуть, что в нашем изложении не использовано *ни одного* нового источника, не известного бы предшественникам. Но это вовсе не попытка вольнодумства, низвержения авторитетов, новомодного критиканства. У нас сложилось свое видение происшедшего. И главное, что отличает его от прежнего – то, что мы считаем: Оренбургская экспедиция была одной из самых значительных авантур в истории страны XVIII века. Основание Оренбургской губернии произошло по причине смеси обмана, амбиций и ошибок. Но постепенно губерния стала фактом – фактом, который нельзя проигнорировать. Однако, это уже иной аспект сюжета.

В тексте мы неоднократно делаем отсылки к существующим работам и публикациям – это несколько отягчает изложение и, возможно, мешает восприятию – но как, скажите, можно спорить, не приводя суждений оппонентов? Цель данной работы не столько навязать читателю свое, особое от всех понимание и толкование происшедшего – но доказать право задавать «неудобные» вопросы. Возможно, не все наши рассуждения покажутся кому-нибудь убедительными и, в свою очередь, могут быть оспорены. Думается, это хорошо. Единственная просьба к тем, кто не согласится с нами, - приводить в качестве контраргументов весомые доводы, а не эмоциональные заявления о «величии», «важности» и проч. Ознакомившись с данной работой, вы убедитесь, что таковых было сделано уже более чем достаточно.

Глава 2. «Восточный вопрос» и Россия.

Нам представляется, что здесь не место разбирать в деталях вопрос о том, добровольно или нет присоединились в свое время башкиры к Московскому государству. Думается, произошло это несколько добровольно-принудительно, в том смысле, что башкиры, разумеется, вовсе не рвались переходить под руку московского царя, но предпочли сделать это перед явной угрозой агрессии со стороны последнего – добровольное подчинение обеспечивало определенные уступки и поблажки. Иначе говоря, все то, чего башкиры лишились бы однозначно в случае силового разрешения вопроса. Мудрое решение башкирских старшин в XVI веке принесло ощутимые плоды, что явилось убедительным подтверждением правильности их выбора. Московское (русское) присутствие в Башкирии на достаточно длительный срок воплотилось в создание несколько населенных пунктов, в том числе и Уфимского острога. Небольшое количество крепостей и некоторое количество самовольных переселенцев в принципе не нарушали традиционного образа жизни местного населения. Москва почти не вмешивалась во внутренние дела башкир.

Ощутимые перемены к худшему произошли при Петре. Строительство регулярного государства не оставляло места для своеобразной «автономии» Башкирии. Насильственное «огосударствование» башкирских земель имело следствием мощное затяжное восстание, а это – в свою очередь – стремление Петра еще более усилить государственное присутствие.

Примерно тогда же Петр заявляет о своих «восточных» планах. Что побудило его к этому, понять трудно. Во всяком случае, на наш взгляд, основная причина не в намерении разрастания России на восток, как это пытаются утверждать. Судя по всему, в условиях продолжающейся войны царя в первую очередь привлекали возможности получения доходов, и прежде всего - золота. Полумифический богатый Восток манил всех европейцев: и если кому-то для того, чтобы попасть в Индию, приходилось плыть по морям, то почему бы было не попытаться попасть туда же сухопутным путем? Когда мы говорим о европейском влиянии на Петра, то как-то забываем, что он мог перенять (и перенимал!) не только обычаи и наряды, но и нравы. Европа XVIII века – Европа колониальная. Уважающие себя страны обзаводятся колониями. Почему бы Петру не пожелать того же? Европейская чванливая уверенность в необходимости христианской миссии в «дикие» страны, наложившееся на извечную же веру в мессианскую задачу православной Московии могло дать весьма взрывоопасное сочетание.

Но куда хотел идти Петр? Каковы его «восточные» намерения? Суждения многих авторов о том, что-де царь всегда об этом мечтал, есть прежде всего суждения самих авторов: как приписывание царю своих мнений, так и своеобразное оправдание задним числом уже содеянного. Заявления самого царя – более убедительно, но все же? Знаменитая и ходовая фраза о киргиз-кайсацкой орде, которая-де востоку «ключ и врата», взята из воспоминаний Тевкелева.²⁶ Это он утверждал, что Петр якобы высказался именно так. Если же учесть, что мемуары свои Тевкелев писал в конце жизни, естественно, стараясь задним числом оправдать себя и свою деятельность, то

²⁶ «Хотя де оная киргиз-касайская [орда] степной и лехкомысленный народ, токмо де всем азиатским странам и землям оная де орда ключ и врата; и той ради причины оная де орда потребна под Российской протекцией быть». [Временник Имп. Московского общества истории и древностей российских. - Кн. 13. - Смесь. - С.15.] Даже удивительно, сколь часто и неверно преподносится эта фраза самыми разными авторами, причем как едва ли не самая заветная мысль Петра – кстати, у Тевкелева упоминается еще одна деталь – слова эти Петр произнес в 1722 г., будучи в Астрахани, однажды (!) пристально посмотрев в сторону казахских степей. Отметим, что мы встретили упоминание об этом многозначительном штрихе, убедительно подтверждающем случайность заявления, только в одной работе – книге П.Матвиевского и А.Ефремова «Петр Иванович Рычков». [С.28.]

ангажированность недоказанного заявления становится более чем очевидной: при таком обосновании любой авантюрист становится вернейшим продолжателем курса великого императора.²⁷ Еще одним доказательством могут служить действия Петра - например, его Персидский поход. Судя по всему, Петр рвался в Хиву и (возможно) далее в Индию, но путь туда, по его мнению, проходил все же через Каспий. Желание ряда авторов представить настойчивое желание «русских империалистов» прорваться в Индию именно через Казахстан не имеет под собой основы, кроме отдельных фраз.

Насколько реально представляли царь и его окружение географию Азии, показывает трагическая судьба экспедиции капитана Бековича-Черкасского в 1717 г. Повод к посылке ее был совершенно нелепый. В 1713 году некий туркмен Ходжа-Нефес сообщил астраханскому губернатору Симонову, что золотоносная река Аму-Дарья якобы отведена (!) хивинцами в Аральское море. Этот слух получил поддержку русских чиновников – так, сибирский губернатор кн.Гагарин даже представил царю золотой песок, добытый якобы из Аму-Дарьи. Видимо, задумывалась какая-то афера. Но царь поверил, и поручил Бековичу вернуть реку в прежнее русло и построить крепость человек на 1000. Помимо основной задачи, как бы «заодно», поручалось склонить к верности и подданству хивинского хана (вплоть до замены его на иного, дружественного русским!), а при удачном раскладе и бухарского. Специальному отряду морского офицера Кожина было предписано там же отыскать водный путь в Индию. Хочется задать наивный вопрос – что из перечисленного вообще возможно было реализовать? На все Бековичу было придано только три полка Яицкого войска. Как известно, авантюра завершилась большой кровью – Бекович с отрядом был окружен в 100 км от Хивы - и в итоге домой вернулись считанные единицы. Несчастный князь жизнью заплатил за попытку выполнить неисполнимое (по преданию, с него живого содрали кожу), точно так же, как сотни простых русских парней, одетых в солдатские мундиры.

Смерть Петра безусловно, повлияла на дальнейшие события. Ряд авторов упорно утверждают, как правило, не затрудняя себя доказательствами, что якобы все последующие монархи послушно проводили единый петровский курс на востоке. Интересное заявление – и это при том, что, как известно, в условиях частых дворцовых переворотов многое из петровских начинаний было заброшено, флот долгими годами стоял в гаванях и т.п. Ставшее расхожим рассуждение о «птенцах гнезда Петрова», список которых, при необходимости расширяется авторами все более и более²⁸,

²⁷ Собственно сомнения в истинности петровских слов высказываем не мы первые – так, И.Акманов (1977) приводя в книге эту цитату, оговаривался - «по версии Тевкелева». [С.24.]

²⁸ Практически все относили к числу таковых Кирилова, который никогда не был допущен в близкий круг Петра. Историк Н.Аполлова пошла еще дальше – «птенцами» называла всех трех оренбургских деятелей той поры - И.Кирилова, В.Татищева и П.Рычкова (последнему на момент смерти Петра было всего 13 лет!) [Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX вв. М., 1960. - С.139.] П.Матвиевский (1949) добавлял еще Тевкелева и Неплюева. [Матвиевский П.Е. Абулхаир, поборник единения казахского народа с русским // Ученые записки Чкаловского гос. пед. ин-та им. В.П. Чкалова. - Серия истории и педагогики. Вып. 1. - Чкалов, 1948. – С.80.] Позднее он называл Кирилова не менее обязывающе «воспитанником Петра» [Матвиевский П.Е., Ефремов А.В. Петр Иванович Рычков. – М., Наука, 1991. – С.25-26.] Из относительно недавних работ приведем восхитительную по своей логике аргументацию географа И.Трутнева (1990): Кирилова следует считать таковым, ибо - «Надо полагать, положительное влияние на него оказала возможность видеть (!) в стенах Сената Петра». [Ук. соч. - С.21.] Кстати, обер-секретарем Кирилов стал уже после смерти царя – в 1727-м – похоже, Петр своего «птенца» не особенно выделял? Ф.Мильков говорил о «сподвижниках», имея в виду в принципе то же – «не случайно организатором...оказался И.К.Кирилов..., долгое время бывший близким сотрудником Петра I». [Ук. соч. - С.7.] Американский историк А.Донелли называет Петра «великим учителем» Кирилова [Ук. соч. - С.158.] Таким образом, вместо «птенцов» появляются «ученики»: «проект был задуман учениками Петра и им бы был одобрен...» [Там же. - С.116.]

подразумевает готовность и желание последних продолжать курс и начинания Петра. А между тем, и об этом писали и пишут все серьезные авторы (Н.И.Павленко, например), после смерти императора все «птенцы» занялись более устройством личных дел, нежели продолжением петровских начинаний.

В новых условиях России было явно не до активной политики на юго-востоке. Не было даже единой стратегии. В этот период Россия не только не нападает, а напротив, пытается как бы отстраниться от Востока – так, ранее завоеванный в Персидском походе южный берег Каспия при Анне de-facto возвращается персам. Определяющим становится стремление к защите. На протяжении достаточно долгого времени Москва в защите своих восточных рубежей опиралась более всего на казачью вольницу. Но после создания регулярной армии в ходе Северной войны наступили перемены – одной из составляющих было наступление на «вольности» казаков. Это неизбежно сказалось на крепости рубежей. Показательно, что и у российского руководства в этот период начинает преобладать недоверие к народам, жившим на окраинах империи, что можно расценивать, как завуалированный страх перед таковыми.

Было более чем очевидно, что юго-восток защищен плохо. Форпосты шли по городам Поволжья - Казань, Самара, Астрахань. Расположенные между ними города-крепости были слабы, малонаселенны и ощутимо удалены друг от друга. Гарнизоны их едва могли защитить себя, но уж никак не могли держать границы. Набеги кочевых племен, не встречая серьезного противодействия, все более усиливались. Так, А.Тевкелев писал, что только из Казанского уезда «ежегодно от пяти до десяти тысяч в плен бралось».²⁹ В 1726-1727 годах было намечено осуществить ряд мер по укреплению границ: построить на р.Самаре крепость и укрепить существующую Яицкую – «от набега и нападения каракалпаков». В итоге было построено 11 застав. В 1728 г. увидело свет предписание сделать укрепления в Уфимской и Соликамской провинциях и укрепить города и остроги «для защиты от башкирцев, калмыков и татар, но без издержек казны, пока соберутся от этом справки и сведения, как лучше сохранить те места».³⁰ Любому, понимающему российскую специфику, нет нужды разьяснять насколько «эффективны» оказались в итоге эти меры, осуществляемые «без издержек казны».

В конце концов управление всеми пограничными крепостями было возложено в сентябре 1731 г. на фельдцейхмestера Х.Миниха. Он приказал чинить имеющиеся крепости и строить новые «для охранения от набегов».³¹ Борьба с набегами казахов, калмыков и каракалпаков объявляется первоочередной - в декабре Миних приказывает обязательно чинить отпор нападениям, «чтоб оные неприятели чрез Волгу не перелезли».

Тогда и родился достаточно емкий проект «закрывания» восточной границы – возведение специальной оборонительной линии, позднее получившей название Новой Закамской. В итоге должна была возникнуть непрерывная система оборонительных сооружений, от Алексеевска (пригорода Самары) в северо-восточном направлении до р.Кичуй. Общая длина линии должна была достичь 222 верст.³² Окончательное

Эмигрантский историк Г.Вернадский также называл Кирилова и Татищева «учениками Петра». [Вернадский Г.В. Русская история. – М.: Аграф, 1997. – С.165.]

²⁹ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. – Самара: изд-во «Самарский университет», 1997. – С.24.

³⁰ Буканова Р. Ук. соч. - С.82.

³¹ Там же. - С.86.

³² Ряд авторов, в частности, А.Донелли, утверждали, что линия эта была первым шагом в завоевании Башкирии. Но здесь желаемое выдается за действительное – в сенатском решении о построении крепостей по «за-Камской линии» от 27.7.1731 особо подчеркивалось: «не захватывая Башкирского

решение о строительстве было принято Сенатом 26 апреля 1732 г. - «Указ о строении Закамской линии». Решено было «вести оную линию по искусству инженерному как возможно прямее». Там же были предусмотрены меры по заселению линии.

В 1734 г. в связи с началом деятельности Оренбургской экспедиции началось сворачивание финансирования строительства, но все равно строили еще до 1736 г. После возведения Оренбурга и крепостей по Яику Закамская линия оказалась глубоко в тылу. Весной 1736 г. казанский губернатор Румянцев внес предложение «недостроенную линию...строением оставить». Только тогда работы были прекращены. Всего успели возвести 2 крепости, 4 фельдшанца, 10 редутов. Все было фактически брошено - обследовавший линию три года спустя Н.П.Рычков констатировал ее полный упадок.

Сам факт строительства линии – есть лишний контрдовод для тех, кто настойчиво пытается доказать едва ли не извечную агрессивность России в направлении востока. Непоследовательность и определенные взаимоисключающие шаги российских властей достаточно убедительно показывают, что Петербург не представлял в достаточной мере *что* надлежит делать, или, во всяком случае, не имел четко продуманной программы действий.

В то же время, следует признать, что закрытие границы, даже если бы это было реализовано, не дало бы желаемого результата. И хотя, особенно первоначально, декларировалась исключительно защитная задача пограничных линий, долго такое состояние не продержалось бы. Массовое строительство линии крепостей неизбежно повлекло бы за собой освоение близлежащих территорий. Это потребовало бы притока населения; увеличение населения на границах – необходимости его защиты, и следовательно, еще большего военного присутствия. Собственно все это произошло позднее на Оренбургской линии. Однако утверждать, что именно эту цель преследовали власти изначально, было бы неверно.

Какое-то время линия обороны послужила бы, конечно, если бы возведение ее было бы доведено до конца. Но до этого не дошло – в ситуацию активно вмешался новый фактор – казахи.

В начале XVII в. на севере Китая возникает Джунгарское государство. Правители Джунгарии вели агрессивную политику, захватив в итоге ряд районов традиционных кочевков казахского Старшего жуза. В результате нашествия 1723 г. казахи были вынуждены бежать на запад к рекам Эмба, Яик, Илек, Орь, на земли Среднего жуза. Подобное массовое передвижение племен, хотя и не затронуло напрямую Младший жуз, занимавший области наиболее близкие к российским рубежам, но не прошло незамеченным и повлияло на положение там.

Вплоть до 20-х годов XVIII века в Младшем жузе старшие ханы избирались из среды старшей феодальной линии, т.н. потомков Жадига. Представители младшей феодальной линии – потомки Осека - такого права не имели. Принадлежавший именно к этой линии хан Абулхайр увидел в происходящем шанс изменить ситуацию. Надежда возвыситься возникла у него во время казахско-джунгарских войн, когда после первых неудач объединенное ополчение казахов в 1728 и 1729 гг. нанесло джунгарам несколько поражений. Именно тогда и возшла звезда Абулхайра.³³ Старший жуз в

владения». [ПСЗ. – Т.8. - №5808.] Исследователи несколько лукавят, сопоставляя район строительства с сегодняшними границами территорий.

³³ Имя хана в разное время писалось по-разному: в русском переводе его обращения с просьбой принять в подданство говорилось: «...отправил я, Эбулхайр-хан...» [Под стягом России. - С.364.]; в инструкции Тевкелеву 1731 г. написано двоеко: «Эбулхайр Хан» и «Абулхайр» [ПСЗ. – Т.8. - №5703]; в проекте Кирилова - Абулхайр Хан; то же в именном указе кн.Урусову [Т.10.- №7876.]; А.Кузьмин называет его «Абул-Хайр». Современные казахские публикации используют «Абулхайр».

итоге признал главенство над собой Джунгарии и это разрушило существовавшую систему. Теперь Абулхайр попытался стать «великим ханом» над всеми казахскими родами. В начале 30-х гг. ему удалось на время установить свое влияние над всем Младшим жузом и большей частью Среднего – тамошние султаны и старшины признали вассальную зависимость от него. Однако одновременно консолидировались и его противники, которых возглавляли влиятельные владельцы Среднего жуза султаны Абулмамбет и Барак. К концу 30-х годов ситуация резко усложнилась – вновь возникла серьезная угроза со стороны джунгар и персидского шаха Надира. Не имея достаточно сил, Абулхайр был вынужден откочевать к северу, к российским пределам. Это было чрезвычайно невыгодно для него, поскольку ему были враждебны все, кто проживал там: казаки, башкиры, калмыки. Хан оказался в очень сложных условиях – всерьез встала угроза потери власти. И тогда, не видя иного выхода, хан повел себя как ловкий политик, начав снова разыгрывать «российскую» карту. Опять, потому что в 1726 г. он уже присылал посольство в Санкт-Петербург. Тогда он просил покровительства, а также разрешения кочевать в районе среднего течения реки Яик и жить в мире с башкирами и казаками. Причина такого решения более чем понятна – он пытался обеспечить себе район, своеобразный страховочный вариант, куда смог бы отступить, если бы джунгары одержали верх.

Это его «посольство» было, судя по всему, только проверочным шаром, не зря же Коллегия Иностранных дел подвергла сомнению верительные грамоты посла. А последующие успехи в войне с джунгарами привели к отказу хана от своей инициативы. Теперь же, в 1730-м, он решил повторить попытку. То, что заботился хан прежде всего о себе и своих интересах, а не об угрозе порабощения казахов джунгарами, подтверждается фактами – показательно, что после прибытия посольства Тевкелева абсолютное большинство казахской знати выступило против Абулхайра и идеи подчинения России – значит, *им* ситуация не казалась безвыходной.

8 сентября 1730 г. Абулхайр, вероятно, окончательно запутавшись, решил во имя сохранения власти поступиться независимостью – и направил в Россию послов с письмом. «..Мы Абулхайр-хан, с подвластным мне многочисленным народом Среднего и Младшего Жузов, все поклоняется перед Вами, - говорилось в послании хана, адресованном русской императрице, - являемся Вашими слугами, и все вместе с простым народом желаем, чтобы с подданным Вам башкирским народом, находящимся за Уралом, жить в согласии».³⁴ Ханом руководил чистой воды прагматизм: буквально припертые к границе казахские рода нуждались в пастбищах на западе, и кроме того, обреталась некоторая защита от многочисленных врагов.

Расчет его, разумеется, строился на том, что Россия достаточно далеко и потому серьезной, ощутимой угрозы самостоятельности хану не будет, а с северными соседями отношения улучшатся - «чтобы Ногайской и Аральской дороги башкирцами ... нам милостиво указать в миру и в соединении быть».

Видимо, пытаясь дезавуировать попытку 1726 года, хан начал действовать обходным путем, через башкир. При посредничестве башкирского тархана А.Исякаева Абулхайр сначала вступил в переговоры с уфимским воеводой И.Бутурлиным. При содействии последнего, почти секретно, послы прибыли сначала в Уфу, а затем в Москву. В устной форме послами были переданы выдвинутые Абулхайром условия, состоящие из 4-х пунктов: 1) обещание «служить верно и платить ясак так, как служат башкирцы»; 2) требование, чтобы им не было «от подданных российских обид и разорения»; 3) просьба о помощи и защите в борьбе со своими неприятелями; 4) просьба вернуть пленных, взятых башкирами и другими российскими подданными и, в

³⁴ Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Д.Ф., Яров Ю.Ф. Федерализм в истории России. – Кн. первая. – М.: Республика, 1993. – С.144.

свою очередь, обязательство вернуть российских пленных и быть в мире с башкирами и калмыками.³⁵

Послы хана были встречены в столице достаточно благосклонно и щедро награждены.

На следующий год весной в ставку хана отправилось российское посольство во главе с переводчиком коллегии иностранных дел, касимовским мурзой Кутлумухамедом (по иным источникам - Мухамедом) Маматовичем (Алексеем Ивановичем) Тевкелевым.

Так начала восходить звезда Тевкелева – человека, сурово заклеянного в башкирской историографии как «палача башкирского народа», и совершенно недостаточно оцененного в историографии российской. А между тем, как нам представляется, это и был тот человек, кого на самом деле можно считать подлинным основателем Оренбургского края. Облик его ощутимо подпорчен авторами, писавшими впоследствии об экспедиции. Историки века XVIII-го создали из него своеобразного «союзного туземца», а в дальнейшем – в историографии как XIX-го века, так и советской - он так и остался на вторых ролях: дружественный татарский мурза, всего лишь помогавший русским государственным мужам устраивать русскую губернию на пустынных землях Южного Урала. Все «национально мыслящие» авторы отзываются о нем резко отрицательно – служил русской агрессии! – и обязательно подчеркивают, что он был крещеным (одним из доводов является русские имя и отчество). Не отрицают этого и русские историки.³⁶ Собственно, и его национальную принадлежность определили не так уж давно.³⁷ Акцентирование внимания на его вероисповедании, как нам представляется, используется как своеобразное объяснение его решительных мер против «своих». Действительно, Тевкелев был одним из наиболее активных жестких и жестоких усмирителей башкирских восстаний, наводившего порядок твердой рукой.³⁸ По большому счету он ничем особым, кроме решительности, не отличался от русских «коллег», столь же сурово усмирявших край.

Однако, есть некоторая деталь, которую важно учитывать – Тевкелев никогда веры не менял – он с рождения исповедовал ислам.³⁹ Есть небольшой момент, на

³⁵ Под стягом России... - С.364.

³⁶ А.Кузьмин: «крещеный мурза» [Кузьмин А.Г. Татищев (Жизнь замечательных людей).- М.: Молодая гвардия, 1981. – С.243.]; М.Кульшарипов: «злодеяния крещеного татарина Алексея Тевкелева» [Кульшарипов М. Сеянтусская трагедия (к 250-летию сожжения деревни Сеянтусы царскими карателями в ходе подавления башкирского восстания 1735-1740 гг.) // Ватандаш. – 1997. - №5. – С.127.]; см. тоже у Р.Зинурова [Зинуров Р.Н. Башкирские восстания и индейские войны – феномен в мировой истории. – Уфа: Гилем, 2001. - С.256.]

³⁷ А.Добросмыслов определял его «из татарских мурз Уфимской губернии» [Тургайская область... - С.8.] Л.Июфа писал, что «по происхождению, вероятно, татарин». [Июфа Л. Города Урала... - С.140.] Р.Буканова замечает, что Тевкелев «хорошо владел татарским и другими восточными языками». [Ук. соч. - С.88.] По большому счету не совсем понятно, стоит ли ставить в заслугу человеку «хорошее» знание родного языка – исключением, как нам видится, может быть только ситуация, если татарский язык для Тевкелева был не родной – но тогда вопрос – а какой родной? П.Матвиевский еще в 1949 г. указывал, что происхождение его «достаточно не выяснено», упоминая среди иных версий «выезжий ордынец» (у В.Витевского) и «природный башкирец» (А.Пушкин). [Абулхаир... - С.77.] Современная башкирская историография наотрез отказывается рассматривать иные варианты, кроме татарина. Из последних публикаций: «по томок ногайских мурз» (М.Кульшарипов) [Ук. соч. – С.127.]

³⁸ Например, А.Кузьмин писал, что Тевкелев пытал, забивал до смерти, и даже называет его «садистом». [Ук. соч. - С.254.]

³⁹ В Инструкции от 19.2.1731 г. он именовался «Мегметом Тевкелевым». [ПСЗ. – Т.8. - №5703.] В Высочайшей резолюции на проект Кирилова – Алексеем Тевкелевым. [ПСЗ. – Т.8. - №6571.] Вообще верить текстам ПСЗ в этом смысле следует очень осторожно – мусульманские имена и фамилии перевирались с удивительным постоянством (возьмем пример с именем казахского хана). Но! – если бы

который, кстати, обращал внимание еще А.Добросмыслов, но – что характерно – цитировавшие его абзацами авторы почти нарочито игнорировали следующую информацию. В 1763 г. после выхода в отставку Давыдова – его преемником стал Волков – серьезно обсуждалась кандидатура на пост губернатора Тевкелева. Судя по всему, он сам весьма на это рассчитывал. Во всяком случае, известно, что по степи был распространен соответствующий слух. Все прежние губернаторы приходили на пост, практически ничего не зная об Оренбуржье, местных проблемах и трудностях и столь же достаточно легко уходили. Тевкелев же стоял у самых начал и всегда активно участвовал в происходящем, часто использовался как знаток и консультант по всем сложным вопросам. По большому счету, он был наиболее подходящей кандидатурой – как человек, знающий край, языки, народы. В конце концов, был же начальником князь Урусов – из владетелей ногайских. Единственной, но принципиальной помехой оказалась его вера – в столице его кандидатуре было отказано «в рассуждении его магометанского закона». Тевкелев явно обиделся, и когда в очередной раз потребовалось, отказался изложить свое мнение по киргизским делам, за что и был достаточно жестко поставлен на место: императрица повелела оставить в покое и с ним «ничего не рассуждать более по киргизским делам».⁴⁰ Так завершилась карьера этого неординарного человека. Русские же имя и отчество, на наш взгляд, есть не более чем прием своеобразной социальной мимикрии – с подобного же рода заменами имен в повседневной жизни мы сталкиваемся и сегодня.⁴¹

Тевкелев был одним из немногих в коллегии, кто хоть что-то понимал в среднеазиатских делах – знал восточные языки, в свое время был в составе экспедиции Бековича. Официально он вез ответную грамоту, на самом же деле, его едва ли не основная задача заключалась в выяснении обстановки на месте – вероятно, утверждения Абулхайра о готовности перейти «под протекцию е.и.в.» «с сорока тысяч человек»⁴², вызвали серьезные сомнения. Как показали дальнейшие события, для этого были все основания. Инициатива Абулхайра явно вызвала у руководства империи замешательство – с одной стороны, предложение льстило самолюбию, но с другой – создавало массу вопросов и проблем. Знания о казахских степях и народах были более чем обывистые. Показательно, что посольству Тевкелева специально приданы были два геодезиста для сбора данных для составления карты. Видимо, руководство страны пожелало получше узнать ситуацию, прежде чем принимать какие-либо решения. В Инструкции, ему данной, особо подчеркивались разведывательные задачи: «будучи тамо между ими усматривать и разведать, желательно ль они в то подданство вошли».⁴³ Одновременно ставились задачи «усматривать и разведывать» о подробностях жизни башкир и казахов. Рекомендовалось записывать все «искусным способом», а в случае разоблачения надлежало утверждать, что все тайные записи делались якобы исключительно для себя, для своих нужд.

Кроме того, официально, А.Тевкелев должен был довести до сведения Абулхайра встречные требования: ежегодная выплата ясака; прекращение набегов на башкир, калмыков и яицких казаков; возвращение русских пленных; помощь в охране торговых караванов, идущих через казахские земли и, наконец, присылка в Москву аманатов (заложников) как гарантов верности.

его звали только «по-русски», как христианина, то «нехристианского» имени в нормативном акте никак не могло бы быть.

⁴⁰ Добросмыслов А. Тургайская область. Исторический очерк. // Известия ОО ИРГО. - Вып.16. – Оренбург, 1901. - С.141.

⁴¹ Завершая небольшое отступление, отметим, что Тевкелев как историческая личность, сегодня не нуждается ни в оправдании, ни в осуждении. Он – часть истории, и с этим следует мириться.

⁴² Федерализм ... - С.150.

⁴³ ПСЗ.- Т.8. - №5703.

Посольство казахи встретили враждебно. Обнаружилось, что большинство султанов не согласно с Абулхайром. Начались волнения, поставившие под угрозу жизнь послов. Хану Абулхайру и его сторонникам стоило больших трудов успокоить недовольных старшин, но Тевкелев и его люди оказались в роли заложников. С большим трудом удалось отправить часть посольства обратно в Россию. Ситуация накалялась, звучали призывы расправиться с послами. Большинство высказывалось за подчинение джунгарам. Абулхайр оказался в меньшинстве и, бросив всех, скрылся в своих дальних кочевьях.

Вот тут-то Тевкелев и показал себя недюжинным дипломатом – в этих, казалось бы провальных условиях, он, хотя и не сразу, но сумел добиться успеха. Умело использовав 2400 руб., выделенных ему на посольские нужды, он в конце концов смог убедить большую часть кочевой старшины Младшего Жуза принять присягу императорскому престолу. Это, разумеется, официальная версия. На самом же деле, последнюю фразу явно стоит понимать иначе – Тевкелеву просто удалось подкупить часть старшины и заручиться согласием; простое обещание как-нибудь потом принести присягу в принципе никого ни к чему не обязывало. Было сформировано посольство, отправившееся первоначально в Уфу. В составе этого представительства, по сути дела, в качестве заложника находился сын Абулхайра Эрали-султан и двоюродный брат Кияз-султан со свитой из родовой знати. Появление посольства в Уфе вызвало там настоящее потрясение – все уже перестали надеяться на благополучный исход посольства. Достаточно сказать, что всерьез уже обсуждались планы выкупа Тевкелева из плена – и неудивительно, прошло уже полтора года и известий фактически не было никаких. И вдруг он благополучно возвращается, да не один; с ним прибыли ханский сын и знатные казахские старшины. Оставив их на время в Уфе, А.Тевкелев срочно и тайно съездил в столицу, где обсудил план дальнейших действий. Уже этот его поступок свидетельствует о неуверенности. Прежде чем предпринимать что-либо на свой страх и риск, он явно решил убедиться, получит ли его инициатива одобрение, не отказались ли в столице от своих планов.

Вероятно, определенную поддержку Тевкелев в столице нашел, почему в конце года, теперь уже вместе с казахскими послами и в сопровождении уфимских дворян и башкир, он вновь, теперь уже официально, отправился в Санкт-Петербург. Посольство прибыло в столицу в конце 1733 года, и было принято в начале нового года.

Теперь Тевкелев стал считаться (и добавим, вполне заслуженно) единственным и признанным знатоком казахских дел. 21 апреля 1734 г. он представил графу Остерману «представление», в котором сообщал наиболее важные сведения и наблюдения. Тевкелев совершенно правильно понял намерения Абулхайра: «в той киргиз-кайсацкой орде себя одного ханом учинить».⁴⁴ Однако, констатировав слабость хана – «без согласия прочих ханов, и салтанов и киргиз-кайсацкой орды ничего один собою делать не может» – и его авантюризм - послов он «без ведома их присылал» – Тевкелев, тем не менее, высказывался за продолжение переговоров. Среди доводов «за» были следующие. Казахи и башкиры «одного состояния – народ дикий и легкомысленный»⁴⁵, и потому их возможно подчинить. Вооружены они достаточно слабо - пушек нет, устаревшие фитильные ружья привозятся из Хивы и Бухары, порох и селитру казахи делают сами. Подчинение их поможет эффективнее бороться с «воровскими» набегами. Возможен и экономический эффект – торговля, поскольку до Хивы через казахские степи идти выгоднее, чем из Астрахани.⁴⁶ Для закрепления в регионе, по мнению Тевкелева, следовало построить крепость. Несколько позднее

⁴⁴ Материалы... Т.1. - С.98.

⁴⁵ Там же. - С.99.

⁴⁶ Там же. - С.97-107.

И.Кирилов писал, что «по представлению Тевкелева желает Абулхайр-хан российскую крепость близкую к его владению построить, от которой себе защиты надеется на меже... Место, где желает хан быть крепости — при устье реки Орь, впадающей в Яик, самая середина между башкирцами и киргиз-кайсаков ордою».⁴⁷ Сегодня достаточно трудно определить, кому в действительности принадлежала инициатива строительства. Тевкелев, безусловно, понимал, что город у казахских рубежей в случае успеха предприятия просто необходим – и как опорный пункт для дальнейших действий, и как свидетельство российского присутствия. В принципе, о крепости мог первым заговорить и Абулхайр – с учетом его политических игр. Российская крепость на окраине ханских земель была достаточной демонстрацией российского покровительства для враждебных соседей, и в то же время она никак не влияла и не смогла бы повлиять на ситуацию в целом и на власть хана в принципе.

Как нам кажется, возвращение Тевкелева вызвало в столице явную растерянность. То, что посольство долгое время не давало о себе знать, давало основание считать его погибшим, и, соответственно, вопрос о том, принимать ли казахов в подданство, худо-бедно, но оказывался разрешенным. А теперь проблема обострялась вновь, и доводы Тевкелева ощутимо подкрепляли одну из сторон. Вновь остро встали важные вопросы: нужны ли вообще казахи Младшего жуза в качестве подданных? Нужно ли отодвигать границу на юго-восток? Что это даст империи? Во что это обойдется? Финансовый момент был не последним – значительные средства уже были вложены в Закамскую линию, а завершение строительства ее теряло смысл, если граница уходила далеко на юг. Чаша весов заколебались, и тем не менее, судя по отдельным намекам, постепенно стала все же перевешивать умеренная позиция.

И вдруг состояние неопределенности и неуверенности было разрушено – на противоположную чашу падает проект, поданный обер-секретарем Сената И.Кириловым.

И.Кирилову на тот момент шел 45-й год (он был 1689 г.р.)⁴⁸. Происходил он из мещан⁴⁹, возможно получил некоторое образование⁵⁰, начал службу подьячим в

⁴⁷ Буканова Р. Ук. соч. - С.102.

⁴⁸ И.Трутнев (1990) оспаривает дату рождения, принятую в литературе, утверждая, что родился Кирилов в 1695 г. Уточнение делается им «по сохраненному в архиве свидетельству его сына Петра». К сожалению, подробнее автор не говорит ничего – что за документ, где и кем найден. Позиция его несколько уязвима – он сам пишет, что «где-то на рубеже 1711-1712 гг.» Кирилов «приступил к работе в канцелярии Сената» – выходит, в возрасте 16-17 лет? В таком случае, в каком же возрасте он начал службу в Сыскном приказе? Видимо, что снять это несоответствие, И.Трутнев умалчивает об этом эпизоде вообще. [Трутнев И. Ук. соч.– С.21-23.] А.Чибилев, также признающий годом рождения 1695 г., пишет, что в 1717 г. Кирилов «начал службу в сенате в качестве канцеляриста», но только он не совсем обоснованно полагает должность обер-секретаря Сената одной из руководящих там. [Ук. соч. - С.14.]

⁴⁹ А.Добросмыслов (1900) (со ссылкой на В.Витевского (1897)): «из мещан» [Тургайская область. – С.13.]; В.Вернадский (1912): «по-видимому, он вышел из народа»; Н.Аполлова: «из посадских людей» [Экономические и политические связи Казахстана... - С.96.]; Л.Июфа (1949, 1957), Д.Лебедев (1962): «в семье подьячего» [Июфа Л. Современники... – С.4; Отечественные экономико-географы...– С.74; Люди русской науки. – С.317.] И.Трутнев, со ссылкой на новый документ – «из священнических детей».

⁵⁰ Если В.Вернадский высказывался достаточно корректно, с долей сомнения: «есть указания, что он был воспитанником Навигацкой школы в Москве»; то в дальнейшем сомнение перешло в уверенность: Н.Аполлова - «кончил цифирную школу»; Д.Лебедев - принят в школу «математических и навигацких, тот есть мореходных хитростно искусств учения»; Л.Июфа - навигацционную школу. Все это достаточно интересно еще и потому, что М.Новлянская еще в 1964 г. писала, что вполне достоверных и документально подтвержденных сведений о жизни Кирилова до 1712 г. нет. Используемые авторами документы дают информацию о некоем Иване Кирилове, учившемся в навигацкой школе и т.п., но, как отмечает она, нет оснований предполагать, что сведения эти относятся именно к интересующему нас Кирилову, а не его многочисленным однофамильцам. Ни сам он, ни его сын, ни современники ничего не говорили о полученном Кириловым образовании. [Новлянская М. Ук. соч. – С.7.] С тех пор никто из писавших о биографии Кирилова не доказал обратного.

Сыскном приказе⁵¹, затем был переведен в Сенат копиистом, и в итоге стал вторым обер-секретарем Сената. В.Вернадский⁵², отметив, что при Петре он издал карту Выборгской земли и границ России со Швецией, высказывал предположение, что «повидимому, ему было поручено в 1721 г. в Сенате следить и руководить работой геодезистов»⁵³. Картография была также его хобби – «много лет между настоящих моих канцелярских дел, изыскивая свободное время, по моему особливому желанию (хотя недостойн оного искусства) собирал и собираю во услугу любящим географию и карты».⁵⁴ И все же, на наш взгляд, не репутация географа и картографа в итоге предопределила одобрение проекта на самом верху, но те аргументы и доводы, которые Кирилов там использовал.

Текст созданного им документа опубликован давно (в частности, в Оренбурге – в 1900 г.)⁵⁵, и в принципе сегодня доступен любому заинтересовавшемуся исследователю. Однако, многие авторы предпочитают выборочное цитирование, что дает в итоге подтверждение прямо противоположным тезисам. В этом нет ничего удивительного, поскольку Кирилов старался привести все возможные доводы, с явным расчетом на то, что в итоге «сработает» не тот, так иной. По нашему глубокому убеждению, данный документ следует рассматривать исключительно целиком. Также обязательно следует учитывать и побудительный мотив - ради чего секретарь Сената полез не в свое дело, вдруг выступил с такой инициативой?

Проект был им представлен императрице Анне Иоанновне в начале 1734 г. Основная задача документа - доказать и обосновать полезность и необходимость принятия хана Младшего жуза Абулхайра в подданство. В итоге текст представлял собой набор аргументов и предложений на этот счет. Доводы, как уже отмечалось, были разными. Так, Кирилов стремился доказать полезность данного решения во имя славы и величия императрицы. Расширение империи на восток – до Японии («сие не может миновать российского владения») и далее до Калифорнии и Мексики (!) - приведет к ее «бессмертной славе». Одновременно он подчеркивал важность преемственности внешнеполитического курса: продвижение на восток будет продолжением дел Петра – царь-де интересовался ландкартами сибирских земель, послал в поход князя Бековича, а в 1723 г. сам хотел пройти на Хиву.

Для более рационально мыслящих Кирилов приводил аргументы в пользу развития восточной коммерции. Польза при этом ожидалась как для отечественных негоциантов, так и для европейских – последним не придется пересекать экватор, нести ущерб от алжирских пиратов и потому, все, «что они в проезде у чужих портов издерживают, а у нас все то подданным же в пользу придет».

Далее шли доводы о том, что продвижение на юго-восток и выгодно, и достаточно легко осуществимо. В пользу первого постоянно подчеркивались богатства

⁵¹ А.Добросмыслов: «начал службу в сыскном приказе; отсюда переведен в Сенат копиистом» [Ук. соч. – С.13.]; Д.Лебедев, сообщавший подробные детали биографии, писал, что о службе 1713-1716 гг. данных «не установлено»; Л.Иофа (1957), напротив, писал, что в 1712 г. он был назначен в Москву, в Поместный приказ, а с 1718 г. его перевели в Сенат. В феврале 1719 подъячий канцелярии Сената назначается канцеляристом Приказного стола. Указом 26.3.1720 был сделан регистратором, в октябре 1720 г. – секретарем Сената.

⁵² Мы использовали электронную версию работы В.И.Вернадского: В.И.Вернадский. Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии. // Труды по истории науки в России. - Москва: Наука, 1988. Все ссылки даны на главу 4.3.

⁵³ Показательно, что писавший позднее Д.Лебедев уже однозначно утверждал, что на секретаря Сената возлагалась «организация и руководство первыми государственными съемками России». [Люди русской науки... - С.317.] Также полагали и все прочие.

⁵⁴ Цит. по: Иофа Л. Современники... - С.5.

⁵⁵ Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1734 год. – Т.1. / Сост. А.И.Добросмыслов. – Оренбург, 1900. – С.19.

региона: Контайша захватил «города, где золото песочное подлинно добывали», он же «добирается взять места Водокшанские, где довольно золота родится и камень лапис-лазори», у «аральского народа» есть золотая руда, бухарский народ очень богатый, в реке Ходжанского хана есть золото, в провинции Кондуской «на реке золото ловят», «может быть» в провинциях на границе с Индией «есть богатые металлы, коих они сами не знают». В то же время все эти владения в основном слабы: киргиз-кайсаки «имеют хана только для одного имени»; Хивинское ханство «самое безсильное и худого состояния», Самарканд был «славный и сильный город, ныне же ничто», в Исары-городе войско до 5 тыс. всего, провинции на границе с Индией с малосильными ханами. А кроме того, добавлял он, возможно мирное разрешение ситуации: аральский народ «давно ищут российской протекции», провинция Кондуская «может причестца с прочими бессильными».

Кирилов упорно доказывал, что все начинания обойдутся достаточно дешево: «Великой работы» по строительству крепости вести не надо, поскольку здесь нет регулярного неприятеля и у него нет артиллерии. Нет нужды создавать новые полки, а можно перевести их с Закамской линии. На защиту города можно использовать башкир, желающих служить. Таковых, по его убеждению, «тысяч двадцать» и служить они согласятся за награждение «сукнами русских фабрик, каких цветов они любят». Строителей специально присылать тоже не надо - среди башкир живут татары, чувашаи, тептяри, бобыли – «башкирцам» от них «кражи и воровство»; вот этих поселенцев и следует привлечь к работам. В их готовности работать Кирилов был убежден, утверждая, что следует только заранее заготовить тысяч двадцать лопат.

Кирилов настойчиво повторял о ненужности и невыгодности строительства Закамской линии – для решения всех задач достаточно будет одной крепости: вот тратим средства на новую линию, - писал с упреком он, - а «оная крепость не меньше той Линии и полков в том прешкодить может».

Демонстрируя заинтересованность и якобы знание предмета, Кирилов давал ряд советов относительно того, с чего стоит начинать. Первоначально следовало построить крепость, причем сразу строить камнем - «чтобы пожаров избежать». «Для побуждения к верности» казахских ханов сделать особые слободы, «усмотря их нравы, как они лутче любят», где завести каменные мечети и особый дом, где надо будет принимать ханов. В городе создать школы для малоимущих и сирот из восточных народов, воспитывать в законе христианском, «но и природного языка не забывать». Новому городу следовало дать привилегию - «пристойные вольности показать». В привилегию включить «иноземцев европейских», эмигрантов. Кирилов был убежден, что в новый город скоро переселятся многие купцы из Ташкента и Хивы.

Следующий шаг после основания крепости – посылка каравана в Бухарию, что позволит заодно проверить верность казахов, для чего следует взять аманатов у проводников. Тем самым станет возможным узнать маршрут в Бухару. С караваном в качестве шпионов направить ученых в геодезии («обнадежа» награждением чином и жалованием). Одному из них следовало остаться в Бухарии, второму ехать далее «до богатой Водохшанской земли».

К последующим решительным действиям в южном направлении, по его мнению, следовало переходить после того, как обустроится крепость, а казахи и башкиры докажут свою преданность. Их руками и планировалось дальнейшее завоевание: Абулхайра планировалось поднять на хивинцев, а на Водохшан направить башкирцев до 5 тыс., казаков тысячу и полк солдатский. На Сыр-Дарье следовало основать флот и уже по реке дойти до Бухарии.

Кроме того, Кирилов давал некоторые практические советы, типа: ханскому сыну в столице показать кунсткамеру, адмиралтейские работы, крепость и для того

заранее приобрести трое саней. К делу экспедиции обязательно привлечь Тевкелева, как полезного человека. Из уфимского полка не отправлять в армейские полки людей, знающих татарский язык – пригодятся здесь. Хлеба у башкир подрядить до 10 тысяч четвертей. Заранее отлить в Екатеринбурге пушки для будущих крепости и пристани, закупить 500 лошадей.

Помимо самых общих ошибок стратегического плана, Кирилов допустил ряд конкретных, что убедительно подтверждало его незнание особенностей, как региона, так и народов, его населяющих. Чего стоит его уверенность, что башкиры сами захотят служить – а ведь число потенциальных служащих он определял аж в 20 тысяч! Свой тезис о том, что башкиры якобы очень миролюбивы и потому нечего опасаться, что они «пакость сделают», он подкреплял следующим рассуждением: если захотели бы, то давно бы разорили Уфу. Оренбург, утверждал Кирилов, выгоден башкирам - «новый город будет им вместо стены и надежное прибежище». Прежние башкирские восстания, писал он, происходили исключительно из-за злоупотреблений местных «плутов-прибыльщиков».

Более того, Кирилов совершенно не представлял себе место, где планировалось сооружение крепости – утверждал, что при впадении Ори «место...состоит при самых добрых водах, здоровое, земли к пашне плодоносная, черная, лесу и лугов, рыбы, зверя дикаго – довольно, а скота нагонят из башкир». По утверждению Кирилова, крепость «отделит калмык волжских от башкир», а «киргиз-кайсаки не будут лазить к башкирам». Упреждая вопрос о снабжении, Кирилов успокаивал заявлением, что проблемы снабжения легко разрешимы - хлеб приводить будут башкиры из Уфы⁵⁶, или же «каракалпацкий народ провианта наготовит сколько надо».⁵⁷

Практически все вышеперечисленное проявилось на деле, только с точностью до наоборот. Башкиры совершенно отказались сотрудничать с экспедицией и в итоге началось одно из самых ожесточенных восстаний; Оренбург и в 70-х годах вызывал у них открытую неприязнь; избранное место на Ори оказалось безлесным и малопригодным для жительства (достаточно напомнить, что сам же Кирилов там едва не умер с голода); доставка хлеба из Уфы делала его весьма дорогостоящим продуктом; «каракалпацкий» народ не торговал хлебом вообще.

Вторую часть обширного документа составляло т.н. «Нижайшее представление и изъяснение о киргиз-кайсацкой и каракалпакской ордах», где, собственно, Кирилов и доказывал свою осведомленность в предмете и как бы косвенно подкреплял тезисы первой части. Осведомлен он был явно недостаточно: так, он был убежден в скором приходе в подданство и Средней орды (и это при том, что Младшая еще не согласилась!) Откуда, собственно, у Кирилова все эти данные? Как нам кажется, ответ один – от Тевкелева: то, что тот считал нужным рассказать и что могли поведать послы, ибо общение с ними шло исключительно через него, как переводчика. Некоторые фразы даже созвучны тевкелевским: «В тех ордах не столько ханы власти имеют, сколько их старшина, и для того они ни людьми, ни богатством своих ханов усиловатца не допускают».⁵⁸ А вот эти мысли были явно получены от послов, поскольку они были созвучны доводам Абулхайра: от джунгар казахи «обижены», но «могут свое владение от них со временем возвратить»; Абулхайр «сам себя в ханстве безопасно содержать может» (а значит, защиты не требует); может хивинцев и аральцев в подданство привести и за то «в милости быть». Не мог Кирилов обойти и важный вопрос о золоте – просто невозможно допустить, чтобы никто из читавших его проект не попытался бы перепроверить истинность обещаний. То что в Младшем жузе золота нет, Тевкелев

⁵⁶ Там же. - С.23.

⁵⁷ Там же. - С.23.

⁵⁸ Там же. - С.35.

видимо не скрывал. Вот почему Кирилов корректирует свои заявления – золото было, но «джунгарский калмыцкий владелец Контайша» все отнял.

Упреждая возражения, Кирилов признавал, что «по легкомыслию сего народа подданства их ненадежное», однако же, восклицал он, «есть способ к удержанию их в подданстве не так, как природных подданных...»⁵⁹

Вообще Кирилов рассуждал, как типичный европейский колонизатор той поры – в своих далеко идущих планах он отводил восточным народам значительную роль, рассуждая при этом достаточно цинично. Заключая, что «калмыки, башкирцы, а теперь и киргиз-кайсаки» «один с другим весьма несогласные»⁶⁰, он делал вывод, что их всегда можно обратить друг против друга: «Буде же бы один, который из них народ поднялся, то легче другими усмирить без посылки российских полков».⁶¹ Базу для будущего конфликта он предлагал заложить сразу же: «город строить на том месте по просьбе хана, ... а та земля башкирская».⁶² Руками казахов и башкир Кирилов предлагал джунгарам «всякую шкodu учинить без российских войск».⁶³ Своими жизнями казахи и башкиры должны были заплатить и за дальнейшее раздвижение границ империи – казахи в войне с Хивой, башкиры – в Афганистане. При этом Кирилов не испытывал никаких угрызений совести – он прямо писал, что «верных батырей» - добровольно платящих ясак - все равно следует «в войну ... высылать, то лутче, потому что, хоть и пропадут, то и дома не нужны». Рассуждения Кирилова весьма напоминают рассуждения какого-нибудь британского генерала колониальной армии о малоценности жизней солдат «туземных» войск: «За чтож и России терять, когда такой счастливый случай пришел чужими людьми чужое в свою вечную пользу доставать и хотя бы они пропали и намерения никакого не исполнили, то нужды нет...»⁶⁴

Подобно прочим европейцам, Кирилов более всего внимания уделяет тем потенциальным выгодам, которые дадут завоеванные колонии. «Водокшанская провинция нужна в российское владение для многова, имеющегося в ней, богатства» - подчеркивал он, утверждая, что якобы бухарский хан получал оттуда по 400 пудов золота. Кирилов видел Среднюю Азию тем же, что есть американские колонии для Европы – «как из Америки гишпанцы и португальцы получают»⁶⁵ - прямо писал он. И в другом месте: «Теперь многим покажетца неимоверно, подобно сысканию Америки, чему никто из владетелей не верили, а когда гишпанцы счастье сыскали и лутшими частями Америки не одним годом завладели, то после всем жаль стало».⁶⁶ И еще одна цитата: «Буде же о дальности и неспособности в проходах кто рассуждать стал, и тому представляется, что галанцы для своего интересу в Ост-Индии земли овладели и славный город Батавию сделали, откуда богатства получают ... однако ж на те все трудности и дальности не смотрели и не смотрят...»⁶⁷ Итак: голландцы, португальцы, испанцы поступают именно так – спрашивается, а мы чем хуже?

Позволим себе высказать предположение. Но сперва поставим принципиальный вопрос – для чего Кирилов все это затеял? Обвинить его в нарочитом обмане власть предержащих нельзя – похоже, он сам верил в то, что писал – о богатствах, доступности, слабости азиатских ханств. Тезис о том, что это патриот-де мечтал о величии России, точно также, как тезис о том, что он якобы только озвучил извечные

⁵⁹ Там же. - С.36.

⁶⁰ Там же. - С.37.

⁶¹ Там же. - С.48.

⁶² Там же. - С.31.

⁶³ Там же. - С.39.

⁶⁴ Там же. - С.30.

⁶⁵ Там же. - С.43.

⁶⁶ Там же. - С.46-47.

⁶⁷ Там же. - С.47.

мечты русских о захватах на востоке, мы серьезно рассматривать не станем. Цели были значительно более приземленные. Надеялся сам разбогатеть на этом? Возможно; но он не мог не понимать, что такого рода экспедиции сопряжены со многими трудностями. Кстати, финансовые проблемы у него действительно были. За несколько лет до описываемых событий он попытался заняться предпринимательством: в 1726 г. получил разрешение на строительство завода по изготовлению красок, в 1731 г. - мельниц. Никаких свидетельств об успехах нет. Напротив, в 1734 г. Кирилов затеял строить еще одну пильную мельницу, при этом выпросил у императрицы 2100 пудов железа «на инструменты». Возвращать данную ему деньгами ссуду он обязался досками, изготовленными на его заводе – доски в количестве более 26 тыс. штук требовались для достройки Гостиного двора. До августа 1734 г. он выдал всего около 2000 досок разных сортов, а потом вообще прекратил, требуя отсрочки аж до 1736 года по причине гибели одной из мельниц от пожара.⁶⁸ Долг – более тысячи рублей – висел на нем. Надеялся на карьерный рост в столице? Попробуйте назвать должность и чин, который бы ему светил в случае успеха... И это – следует учитывать - при засилье иностранцев при дворе. А риск потерять и то, что уже есть в случае провала, был более чем реальным. Постоянные повторения о колониях европейцев рождают гипотезу – уж не вице-королем ли какой-нибудь российской Индии он возжелал стать? Благо, аналогов вознесения подобным образом на самый верх выходцев из низов в современной ему европейской истории было немало. Есть, впрочем, еще одно приемлемое объяснение – Кирилов хотел превзойти всех, собрав уникальный картографический и иной научный материал. В пользу этого говорит включение в экспедицию ученых, обязывание Академии наук снабдить экспедицию верстовыми колясками, астрономическими часами, инструментами, новейшими книгами по астрономии, физике, химии, медицине, «натуральной истории», горному делу, ботанике и проч. Академия должна была своевременно доставлять в экспедицию новые книги и «грыдорованные [т.е. гравированные – Д.С.] фигуры». Взятые были книги для будущей школы в Оренбурге: на немецком, французском и латыни. Материал он действительно собирал – но, откровенно говоря, не хочется верить в то, что все – кровь, смерти, страдания – было только для того, чтобы удовлетворить академическое любопытство одного человека?⁶⁹

И вот тут-то самое время задать вопрос – насколько Кирилов был осведомлен в реальности о том, о чем писал? В существующей литературе давно создана легенда о нем, как о выдающемся географе. Как нам кажется, произошло это с конца 40-х, когда времена требовали обязательного обнаружения русских ученых во всех отраслях знаний.⁷⁰ Нам кажется показательным, что писавшие о Кирилове едва ли не в обязательном порядке подчеркивали его происхождение – «из простых» - и общими фразами сообщали о «значительном вкладе» в науку.⁷¹ Но каков же этот вклад в

⁶⁸ Новлянская М. Ук. соч. - С.15.

⁶⁹ Возможно эмоциональное возражение – что все это делалось ради великого дела науки. Предположим, но тогда почему все это делалось с таким трудом и кровью, когда можно было реализовать более удобно, но менее помпезно?

⁷⁰ Л.Июфа (1949) писал: «заслуги...Кирилова перед отечественной географией долго не могли быть оценены в должной мере». И произошло это только «в последнее десятилетие». [Июфа Л. Современники... - С.3.]

⁷¹ Ф.Мильков (1953): «Бесспорно, И.К.Кирилов – одна из наиболее ярких фигур среди географов первой половины XVIII в.» [Ук. соч. - С.8.] Д. Лебедев (1962): Пробил себе дорогу «исключительно благодаря своим блестящим способностям, выдающейся энергии, огромной работоспособности и преданности делу культурного и хозяйственного развития России»; один из крупнейших картографов, географов и статистиков-экономистов первой половины века. [Люди русской науки. - С.318.] Весьма комплиментарно о Кирилове отзывалась М.Новлянская, называвшая его выдающимся деятелем просвещения, который заботился о просвещении народа. Не менее восторженно высказывался И.Трутнев: причиной взлета стали

действительности?⁷² Репутация Кирилова основывается прежде всего на том, что он, как известно, собирал данные по картографии – задавшись целью самостоятельно создать атлас Российской империи на 360 листах.⁷³ Идея эта, похоже, у него родилась в пику другому ученому – Делилю (между прочим, Л.Делиль де ля Кройер в 1731-1741 гг. был российским академиком!). В 1726 году Петр выделил ежегодную определенную сумму на составление географического атласа Российской империи. Говоря современным языком, «курировали» проект двое – Делиль и Кирилов – один от Академии, другой – от управленцев. Атлас в итоге вышел – в 1745 году. Сотрудничества у них явно не сложилось⁷⁴, более того, Кирилов в 1734 г. за свой счет «вдруг» выпустил небольшой атлас Русской империи (одна генеральная и 14 специальных карт). На гравировку его ушло 8 лет.⁷⁵ В.Вернадский заключал, что атлас этот, «встреченный учеными довольно сурово, несомненно во многом неудачный, но в это время все-таки бывший лучшим и вполне добросовестным». Иными словами, лучший – потому что другого не было. Это действительно был первый атлас. В дальнейшем Кирилов старался его дополнить и отдельные листы большого атласа были выгравированы только в 1737 г. Однако и они не были приняты современниками. В 1739 г. В.Татищев писал в Академию: «Печатные с оных [карт геодезистов] статским советником Кириловым ландкарты... так худы, что во употребление не годятся, о чем и профессор Фаргесон в своем рассуждении согласно с профессором Делилем истину объявили».⁷⁶ И хотя отдельные авторы видели в этом «зажимание» русского ученого иноземцами⁷⁷, причина более проста: «Кирилов не знал достаточно тех математических основ съемки, которые кажутся нам теперь с точки зрения математики элементарными, а тогда были трудными задачами высшей математики» (В.Вернадский).⁷⁸ Интересно

«природный интеллект и организаторский дар, приобретенная просвещенность и образованность, энергия и любовь к родине». [Ук. соч. - С.21.] Интересно, когда это в России такие качества помогали карьерному взлету?

⁷² Д.Лебедев называет карты, выдвинувшие Кирилова «в число выдающихся географов этой эпохи»: по требованию Петра в 1724 г. он «через одну ночь своеручно нарисовал» карту Сибири до Японских островов (по признанию автора, срисовав ее с китайской); а также составленный «замечательный атлас России» [Люди русской науки... - С.319, 320.] О качестве «замечательного» атласа см. далее.

⁷³ Буканова Р. Ук. соч. - С.11. Тоже у В.Вернадского.

⁷⁴ М.Новлянская полагает, что Кирилов «по мере сил и возможностей шел навстречу тем требованиям Делиля, удовлетворение которых приносило несомненную пользу их общему делу», но не доверял ему. Причина недоверия – патриотизм Кирилова, якобы возмущенного тем, что Делиль пересылает российские карты во Францию. [Новлянская М. Ук. соч. - С.81.]

⁷⁵ Название атласа звучит весьма претенциозно: «Атлас Всероссийской Империи, в котором все ее царства, губернии, провинции, уезды и границы, сколько возмогли российские геодезисты, описать оныя и в Ландкарты положить по длине и ширине точно изъясняются, и города, пригороды, монастыри, слободы, села, деревни, заводы, мельницы, реки, моря, озера, знатные горы, леса, болота, большие дороги и протчая со всяким прилежанием исследованные, российскими и латинским именами подписаны имеются трудом и тщанием Ивана Кирилова. Весь сей Атлас разделен будет в три тома и будет содержать в себе всех на все 360 карт, ежели время и случай оные собрать и грьдором напечатать допустить. Длины начало свое приемлют от первого меридиана, через остров Дагдан и Эзель проведенного, кончаются же в земле Камчатке, так что Империя Российская боле 130 градусов простирается, которых весь земной глобус 360 в себе содержит». Ряд авторов восхищается грандиозностью замысла, но никто не хочет сделать простые расчеты: если на 14 карт ушло 8 лет, то сколько надо на 360? Замысел, может быть и грандиозный, но реализуемый ли? Уже из этого амбициозного названия атласа видна непомерная гордыня его создателя.

⁷⁶ Материалы для истории императорской Академии наук. Т. 4. - СПб., 1888. - С. 99.

⁷⁷ См., напр.: «Иностранец Делиль тормозил издание карт И.К.Кирилова под тем предлогом, что карты не отличаются точностью; возражал против выбранного... начального меридиана и т.д. Делиль сделал даже попытку отстранить И.К.Кирилова от картографических работ, как якобы недостаточно подготовленного». [Июфа Л. Современники... - С.15.]

⁷⁸ Гораздо более высоко оценивает деятельность Кирилова комментатор публикации книги Вернадского А.В.Постников. Он пишет: «Как показали современные исследования (!), И.К.Кирилов в совершенстве

отметить, что весьма расположенный к Кирилову Д.Лебедев, полагавший, что задумка атласа «свидетельствует о необычной ясности и широте взглядов автора, о его горячем патриотизме и стремлении поднять развитие русской картографии на более высокую ступень»⁷⁹, видел проявление этого патриотизма в том, что начальный меридиан был выбран не от Гринвича, а от западных границ. Но, кстати, и он отмечал недостатки: карта втянута против действительности на 7-8 градусов.⁸⁰ Л.Иофа (1957) писал о «многих недостатках и технического характера, и по существу».⁸¹ Кстати, последний патриотизм Кирилова видел в том, что тот стремился «показать в картах мощь и величие России, принижаемых иностранцами».⁸²

Еще одним доводом в пользу научной весомости Кирилова было написание им в 1727 г. географо-статистического описания России «Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начало привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, Отец отечества, император и самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая». Однако, осязаемого научного вклада сделано не было – работа осталась неизвестной современникам, и была опубликована спустя 104 года.⁸³ Насколько глубоко знал Кирилов географию России? Судя по атласу 1734 года, как раз восточные окраины известны ему были мало - в Башкирии в изданном атласе были отмечены крепости Закамской черты, Уфа и Оса. Но это нельзя ставить Кирилову в вину - без сомнения уровень его знаний отражал уровень общей информированности. Приходится констатировать, что с начала века осязаемых подвижек не произошло. Кирилов продолжал верить в сказку о золотоносной Амударье - «сказывают, будто из Аральского озера...была река в Каспийское море, которую тамошний народ засыпали и так остановили»⁸⁴ - писал он в «Представлении».

Насколько Кирилов был осведомлен о территориях, присоединять которые он собирался?⁸⁵ В своем «Изъяснении» в регионе между Индией, Хивой и Россией он называл 18 владений: черные калмыки, киргиз-кайсаки, кара-калпаки, «каральский народ», тухменской народ, бухарский народ, Самарканд, Ходжанское ханство, Исарыгород, Малая провинция и морская, Водокшанская земля, малая провинция киргиз в

владел современными ему геодезическими методами, о чем свидетельствуют многочисленные инструктивные материалы и заметки по картографии, созданные во время руководства им государственной сухопутной съемкой России. (Позволим себе комментарий – лучшими доказательствами были бы не указания, а готовые карты). И далее комментатор пишет: «Первый и необходимый этап картографирования России в тех условиях Кирилов, в противоположность Делилю, видел в создании генеральных, а не партикулярных (крупномасштабных) карт. Время показало, что путь, избранный Кириловым, был в условиях России единственно верным, так как опыт небольших западноевропейских государств, начинавших картографирование с создания сплошной триангуляционной сети, был совершенно неприменим к нашей стране... Представляется нелишним заметить, что только в советское время стало возможным проводить топографические съемки исключительно на основании триангуляции».

⁷⁹ Люди русской науки... - С.320.

⁸⁰ Там же. - С.321. Автор биографической статьи о Татищеве в том же сборнике - А.Иванов – прямо пишет о «неисправностях» в картах, составленных под руководством Кирилова, почему и пришлось поручать потом дело Татищеву. [Там же. - С.313.]

⁸¹ Отечественные экономико-географы... – С.77.

⁸² Иофа Л.Е. Современники...С.15. Интересно, как можно в карте принизить «мощь»? и как показать «величие»?

⁸³ А.Чибилев ошибочно утверждал, что труд этот в 1727 г. «вышел в свет». [Чибилев А.А. В глубь степей. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. – С.14.] И.Трутнев, признавая факт публикации через сто лет, тем не менее голословно утверждает, что справочник этот «стал реальным подспорьем для многочисленного управленческого аппарата». [Ук. соч. - С.22.]

⁸⁴ Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1734 год. – Т.1. / Сост. А.И.Добросмыслов. – Оренбург, 1900. – С.11.

⁸⁵ По мнению Д.Лебедева, Кирилов в «Изъяснении» обнаруживал «большие географические познания среднеазиатских стран». [Люди русской науки... - С.318.]

верховьях Инда, провинция Кондуская, Балх, три ханства на границе с Индией. Совершенно искаженным было его представление о месте, где планировался Оренбург.

Многие авторы любят цитировать слова П.Рычкова о Кирилове: он «сциенции схоластической хотя никакой не учил и основательно не знал, но был великий рачитель и любитель наук, а особливо математики, механики, истории, экономии и металлургии, не жалея при том никакого своего труда и иждивения».⁸⁶ Отсюда однозначно делался вывод о талантливом самоучке из народа. Иные авторы ограничивались констатацией его больших знаний – как, например, В.И.Вернадский: «Широко образованный человек, один из немногих в русском обществе тщательно и жадно следивший за всеми изданиями и работами Академии наук».

А ведь можно повернуть это заявление и иначе – не изучил никакой науки в целом (и это при том, что Петр открыл немало учебных заведений!), нахватался самых разных «верхов», но всегда старался произвести впечатление большого ученого. И в такой облик хорошо, кстати, вписываются черты его характера, вообще свойственные людям подобного склада, вроде чрезмерного апломба относительно своей научной значимости, постоянные широковещательные заявления о собственной научной деятельности, да и конфликт с академиком Делилем.

В принципе Кирилов просто не мог знать о казахской степи более, чем прочие. А всем известно было крайне мало. Как нам кажется, весьма показательным, что в знаменитой инструкции Тевкелеву от 19.2.1731 г., кроме всего прочего, поручалось выяснить, «какого состояния» Абулхайр, сколько во владении его находится «городов (!) и мест, дворов, кибиток»; есть ли при его городах «пашни, сады и иные какие промыслы». Власти интересовало также наследственная ли власть в степи, сколько платят налогов, все ли исповедуют мусульманскую религию, есть ли в крае оружейные заводы, с кем граничат и проч., и проч. Иными словами, интересовало все. И это, безусловно, показательно. Как показательна и путаница в первоначальном именовании Абулхайра в официальной документации: в Инструкции Тевкелеву он назван «Ханом», а в жалованной грамоте о принятии в подданство – «старшиной Киргиз-Кайсацкой Орды». Кстати, оба документа датированы 19 февраля 1731 г. – одним днем.⁸⁷ Разночтение было учтено Кириловым – как нам представляется, не случайно появление в его проекте фразы: «в тех Ордах не столько Хану власть имеют, сколько их старшина»...⁸⁸

Показательно, что проект Кирилова нашел в конце концов одобрение у некоторых высших сановников. Ряд историков утверждает, что его старался поддержать и дать ход тайный советник А.П.Бестужев-Рюмин. Если же судить по переписке Кирилова, то он постоянно обращался за поддержкой к всеильному тогда Бирону. Видимо, весомое слово последнего и помогло. Но в то же время были люди, которые по-прежнему не соглашались с проектом: несогласные с планами в отношении жуза, а также построения нового города на весьма удаленном расстоянии от границ при отсутствии коммуникаций. Шла определенная закулисная борьба, продолжавшаяся и позже, уже после начала экспедиции.

⁸⁶ Рычков П.И. История Оренбургская (1730-1750 г.) – Оренбург, 1896. – С.29. Иногда цитата для усиления эффекта сокращалась: «Рычков писал, что он был «великий рачитель и любитель наук», особенно математики, механики, истории, «экономии» и металлургии». [См.: Н.Аполлова. Ук. соч. - С.97.]

⁸⁷ ПСЗ. – Т.8. - №5703, 5704.

⁸⁸ ПСЗ. – Т.8. - №6571.

Итак, свершилось: 1 мая 1734 г. последовала высочайшая резолюция на проект Кирилова. Была утверждена часть проекта о постройке города.⁸⁹ 18 мая Кирилову была дана подробная инструкция, основанная в принципе на его же проекте, только теперь все инициативы шли как бы «сверху» - т.н. «О распоряжениях по устройству и населению города при устьи реки Орь и по сношениям с окрестными народами». Конкретные задачи насчитывали 29 пунктов. Собственно, из этой инструкции можно легко выцелить, какие же из доводов Кирилова оказались восприняты.

Итак, в первую очередь велено было строить город; строить по заранее данному проекту, выбрав при этом место на свое усмотрение, и «офундовать» его жителями «с надеждою в том городе купечество и прочие селитца и промыслы и торги порядочно и безопасно распространять». Первоначально рекомендовалось построить «хоть малую земляную крепость», но и при этом «улицы всемерно пространныя и регулярныя». Строить следовало поспешно, чтобы к приезду Абулхайра «хоть малую крепостцу сделать и артиллерию поставить». Поручалось следить, чтобы казахи в верности были «иногда страхом, а иногда награждением». Им разрешалось кочевать у города, для чего построить в городе «особые дома и мечети», создать особый суд с равным представительством обеих сторон, учитывая «обычай каждого народа».

В отношении башкир приказывалось в работы их не наряжать, тептярям и бобылям обид не чинить. Караван в Среднюю Азию следовало сразу же отправить, при этом у башкир-проводников на всякий случай взять детей или братьев в аманаты. К каравану придать двух офицеров, нарядив купцами.

Относительно полезных ископаемых надлежало потребовать от хана сведений о золоте, аргументируя, что строительство Оренбурга ведется по его просьбе и потому много трат. Следовало узнать «осторожно» (по возможности получив образцы) о золоте у аральского хана и других. Нужно было сообщать об обнаруженных месторождениях, для чего сделать в городе лабораторию.

Определенное внимание было уделено флоту. На Яике надлежало завести три-четыре судна - для оперативного поиска богатств. А также: построить пристань на Аральском море и при ней три-четыре десятка гребных судов. Таковые поначалу следовало собрать из разобранных, а затем начать строить там, «сыскивая лес по Сыр-Дарье, которого леса, как объявляют, у каркалпаков довольно».

Из конкретных первоочередных распоряжений приказывалось скупать лошадей у башкир и киргиз и денег на это «отпускать сколько потребно», но при этом вести точную бухгалтерию, взять с собой для награждения 5000 сабель, Тевкелеву быть в общем совете и командиром над башкирским и нерегулярным войском.⁹⁰

Таким образом, перед экспедицией ставились разнообразные задачи. Кирилов при этом наделялся большими правами: «ежели где по случаю какой нужды ко исполнению нашего интереса и положенных на Кирилова дел станет о чем в коллегия доносить и с прочими командами списываться, в том не только скорое решение, но также всякое надлежащее вспоможение чинить, не отлагая вышние команды на нижние, а нижние на высших, и не дожидаясь от своих команд на всякое требование особых указов, но по исполнении рапортовать с обстоятельством предоставленных от Кирилова резонов, дабы будучи в дальности между переписками ничто ко вреду и упущению не произошло. Буде же где в противность нашего соизволения и сего указа будут Кирилову и прочим с ним людям чинить помешательства или по его требованиям исполнять не будут, а хотя и исполнять будут, да время упустят, о том поведено ему

⁸⁹ Рычков П.И. Ук. соч. - С.9.

⁹⁰ Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1734 год. - Т.1. / Сост. А.И.Добросмыслов. - Оренбург, 1900. - С.63-78.

писать в наш Сенат, где виновных штрафовать по нашим указам, а о важных делах доносить нам».⁹¹

7 июня по указу правительствующего Сената была подписана т.н. «Привилегия городу Оренбургу», представляющий особые права и льготы городу, который планировалось построить на восточных рубежах страны.⁹² Документ этот был уникальный – ранее Привилегией обладала только столица. Как удалось установить Н.В.Козловой, И.Кирилов, будучи секретарем Комиссии о коммерции, был хорошо знаком с проектом привилегии Санкт-Петербургу, который был разработан Комиссией о коммерции и даже одобрен Сенатом, но так и остался нереализованным.⁹³ Подобная параллель позволила сделать заключение, что новый город Оренбург на том этапе рассматривался, по аналогии, как своеобразное «окно в Азию».

Согласно Привилегии, город, название которому устанавливалось Оренбург, должен был «в подданстве содержать» «орды» башкир, казахов и каракалпаков, а также «коммерцию безопасную в пользу нашего интереса иметь». В Оренбурге дозволялось проживать всем свободным россиянам, представителям вновь присоединенных к России народов, а также иностранцам из Европы и Азии. На три года город освобождался от всех поштин. Для справедливого суда учредить магистрат в составе трех бургомистров и шести ратсгеров. Судить представителей разных народов поручалось по императорским указам, «сколько возможно сообразуясь с их обычаями и правами». Поручалось сделать запись таковых на «российском» и «их» языках. В документе давалась подробная роспись штата магистрата. Чтобы магистратское правление «респектовали» правильно, были пожалованы: бургомистры в девятый класс, ратсгеры в десятый. Устанавливалась специальная градская печать: щит трижды разделен полосами золотого и черного цвета, в щите два копыя, два сложены наверху, два установлены по сторонам. Три полосы символизируют три народа, коим этот город «защитою и прибежищем быть имеет». Копья – как оружие, которое эти народы «обыкновенно на войне употребляют». Вводилось «свободное содержание» любых вер, духовных персон и религиозных зданий. В то же время надлежало «содержать в надлежащем порядке», чтобы не было «предосуждения» православия. В пределах ста верст от города – разрешение на строительство дает городской магистрат. Войска на постой к горожанам не ставить, а возвести специальные дома. Дрова и свечи требовать с горожан запрещалось. Разрешалась свободная варка вина, пива, меда, водки для своих нужд и на продажу, последнее - при уплате акциза. Торговлей разрешено было заниматься купцам, ремесленникам, башкирам и представителям иных «иноверческих народов»; воинским, духовным и штатским чинам это запрещено. Магистрат и купцы принимались «в особое защищение и охранение» - жалобы и челобитные им разрешалось подавать вплоть до сената.⁹⁴ Сама по себе данная Привилегия была документом необычным – она предоставляла городу ощутимую автономию. Это было вполне в стиле европейских торговых городов, но совершенно нетипично для России.⁹⁵ Впрочем, удивляться особо нечему – обе Привилегии остались лишь любопытными

⁹¹ Рычков П. Ук. соч. - С.10.

⁹² ПСЗ. – Т.8. - №6584.

⁹³ Козлова Н.В. Попытка городской реформы в 30-е годы XVIII в. // Вестник МГУ. – Сер.8. История. – 1991. – С.40-41.

⁹⁴ Рычков П.И. История оренбургская. - С.10-14.

⁹⁵ На это давно обращали внимание историки права. Так, И.Дитятин (1875) анализировал статус Оренбургского магистрата на основании Привилегии. Сделав заключение, что городу была дана определенная самостоятельность, он недоуменно восклицал: «На далекой восточной окраине строится город, который получает автономию по отношению к своему внутреннему хозяйству. Станный, режущий глаза факт, факт, плохо мирящийся с общим направлением административной политики XVIII века». [Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. – Спб., Т.1. 1875. - С.339-342.]

документами; фактически ничего серьезного из Привилегии Оренбургу так и не было реализовано.⁹⁶

Анализ всего пакета документов - инструкции и иных - позволяет сделать некоторые наблюдения. Из всех доводов, приводимых Кириловым, «наверху» усвоили лишь немногие. В первую очередь – об огромной материальной выгоде, богатствах, которые легко попадут в руки. Вторая мысль – о слабости местного населения и потому легкости достижения искомой цели. И третья – восприятие азиатских ханов и иных властителей «по-европейски» – со святостью клятв и т.п. Преобладала удивительная уверенность, что все казахские ханы стремятся принять подданство – так, инструкция 18 мая требовала «ожидаемые» грамоты из Большой и Средней орд, а также аральского хана сразу по получении срочно отправить в столицу. Сходным образом Сенат приказал 2 июня коллегии иностранных дел: под Сакмарским городком каракалпаки и киргиз-кайсаки пограбили яицких казаков. Потому надлежит дать им указ, что если они подданные – «чтобы впредь не чинили».⁹⁷

Надежды на большие доходы стали в итоге определяющими. Указом 18 мая 1734 г. Кирилова пожаловали в статские советники, Тевкелева в полковники, а также выдали соответственно три и тысячу рублей – с показательной оговоркой: «насчет тамошних доходов».⁹⁸ Кроме того, даны были немалые деньги на подарки и иные чрезвычайные расходы.

Бюрократическая машина начала набирать обороты - для Кирилова дороги назад уже не было. Неисполнение указов означало теперь не только крах карьеры. Наверняка он помнил о судьбе комиссара Сергеева, который своими действиями вызвал башкирское восстание 1704-1711 гг. и был по приказу Петра повешен. И повешен он был не за жестокость (за что вообще следовало), а именно за неисполнение приказа.

⁹⁶ Проблема заключалась также в том, что Привилегия была рассчитана на гражданскую власть в торговом городе, а Оренбург долгое время оставался прежде всего крепостью с военным управлением. Интересный казус возник из-за перенесения города на новое место – имел ли «новый» Оренбург право на льготы по пошлине, или же таковая была «истрачена» Орском? Именным указом от 11.2.1736 г. «для новости места» беспошлинная торговля была продлена – «продолжить всего времени еще 6 лет». [ПСЗ. – Т.9. - №6887.] На следующий год (7.7.1737) Кабинет министров внес резолюцию, продлевая Оренбургу срок беспошлинной торговли еще на 6 лет «от сего времени» [ПСЗ. – Т.10. - №7318.]

⁹⁷ Материалы... - Т.1. - С.172.

⁹⁸ Материалы... - Т.1. - С.58. А.Добросмыслов особо подчеркивал, что деньги эти были выданы «не в счет жалования». [Тургайская область. - С.17.]

Глава 3. Начало великой авантюры - путь в неизведанное.

Экспедиция начала подготовку. Первоначально она называлась в документах «Известной», позднее – «Оренбургской». П.Рычков в «Топографии Оренбургской губернии» писал: «сначала, при статском советнике Кирилове, называли и писали ее известною, а потом уже Оренбургскою экспедициею».⁹⁹ На протяжении нескольких десятилетий XX в. два названия Экспедиции упоминались едва ли не как синонимы – «Известная» или «Оренбургская» экспедиция (П.Матвиевский (1949))¹⁰⁰; Ф.Мильков (1953)).¹⁰¹ Долгое время вопрос казался совершенно ясным, когда вдруг в 60-х годах появилось неожиданное объяснение первоначального названия. Первым это сделал С.Попов (1968): «Вначале экспедиция Кирилова носила несколько секретный характер и именовалась «Известной экспедицией»».¹⁰² И пошло – как по цепочке; последующие авторы начинают повторять о названии «Известная»: «в целях секретности», «в целях обеспечения секретности», «для секретности» (И.Акманов (1977)); (В.Дорофеев (1988, 1993)); (А.Абрамовский, В.Кобзов (1999)) и др.¹⁰³ Даже забавно, что никто (!) не попытался объяснить, зачем нужна была секретность? Первое, что может придти в голову – таились от англичан, которых по идее могло беспокоить продвижение русских к Индии. Однако англичане, как известно, и так оказались в составе Экспедиции. И еще – раз вскоре стали называть «Оренбургской» – куда девалась секретность? Отметим, кстати, совершенно неожиданный штрих – мнение А.Кузьмина (1981): сначала экспедиция называлась «Киргиз-Кайсацкой».¹⁰⁴

Мы склонны полагать, что новое название появилось после того, как было утверждено официальное название нового города – иначе говоря, не ранее 7 июня. Это не более чем предположение – самым надежным доказательством было бы уточнение по архивным документам с какой даты стали «писать» Оренбургской экспедицией. Однако, никто из авторов с сенатскими документами должным образом не поработал (и мы – не исключение).

Офицерам и чиновникам, отправлявшимся в экспедицию, были установлены равные с армейскими чинами оклады, выданы подъемные и содержание за год вперед, определены денщики. В состав экспедиции вошло около 130 человек: геодезисты, инженеры, ботаник, рисовальщики, аптекарь, врачи, артиллеристы, художник, историограф, а также поручик, мичман, штурман, боцман, шесть матросов, два конопатчика галерных, галерный мастер, галерный ученик, четыре плотника - все, кому было назначено заведения флота на Аральском море. Последняя задача свидетельствовала о весьма поверхностном представлении всех о пространстве края и сложностях самого предприятия.

Как мы уже говорили, многие авторы старательно подчеркивали наличие в составе экспедиции ученых, тем самым пытаясь доказать мирный и научный характер ее. Уместно напомнить, что в Египетском походе Наполеона тоже принимали участие ученые, однако, никто не беретсЯ делать в данном случае заявления подобного рода. Сам Кирилов, судя по всему, искренне полагал, что у него останется время на научные изыскания – помимо картографии, он внезапно решил заняться и историей – чем иначе

⁹⁹ Рычков П.Н. Топография Оренбургской губернии. – Уфа: Китап, 1999. – С.12.

¹⁰⁰ Матвиевский П. Абулхаир... - С.87.

¹⁰¹ Мильков Ф. Рычков. – С.7.

¹⁰² Попов С. А. Далекое прошлое. // Орденоносное Оренбуржье. – Челябинск: ЮУКИ, 1968. - С.81.

¹⁰³ Акманов И.Г. Башкирское восстание 1735-1737 гг. – Уфа: БГУ, 1977. – С.26; Дорофеев В.В. Над Уралом-рекой. – Челябинск: ЮУКИ, 1988. – С.10; Оренбург. – Челябинск: ЮУКИ, 1993. – С.6; Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. - Челябинск: Челябинск. гос. ун-т, 1999. – С.21.

¹⁰⁴ Кузьмин А.Г. Татищев (Жизнь замечательных людей).- М.: Молодая гвардия, 1981. – С.241.

объяснить его запрос в Сенат 11 июня с просьбой выдать ему из Сенатского архива и Коллегии иностранных дел летописи, рукописи и документы по истории. (Кстати – и выдали!)

С комплектацией экспедиции были определенные трудности – те, кого Кирилов пытался увлечь за собой, отказывались под благовидными предлогами. Зато попало немало лишних людей. В частности, натуралист Гейнцельман, о котором В.Вернадский в частности писал, что он вынес «очень мало из посещения этих, тогда совершенно неведомых, диких стран». Он же приводил отрицательный отзыв о Гейнцельмане (Эйсельмане) В.Н.Татищева (1737), отправившего его назад, как не знающего языка, а также и потому что он не имел «довольной к тому науки».¹⁰⁵ Ряд авторов обращали внимание на то, что экспедиция была под пристальным вниманием англичан.¹⁰⁶ Так в экспедиции как «математик и астрономии часть знающий для обсервацей» появился Джон Эльтон, капитан королевской морской службы. П.Матвиевский однозначно определял его как авантюриста, обещавшего за 12 тыс. фунтов стерлингов «сыскать безопасную морскую дорогу в Япон, в Хину и в Америку».¹⁰⁷ Характерно, что Эльтон сам вызвался поехать, дабы изучить реки и Арал на предмет судоходства. Показательно заключение историка: «что и как делал Эльтон, почти четыре года под начальством Кирилова, а с 1737 г. Татищева, неизвестно».¹⁰⁸ Зато известно, что он очень интересовался различными коммуникациями, а позднее перешел на службу к персидскому шаху, где нанес интересам России немало вреда.

В качестве художника экспедиции был принят Джон Кестль; почему российского художника не нашлось – остается загадкой. Кестль также немало сил и времени посвятил не своим прямым обязанностям - в отличие от Кирилова, позднее сбежавшего из строящегося Оренбурга, он долго жил там, посещал орду Абулхайра, едва не поехал в Бухару в качестве русского посла.

Утверждают, что с экспедицией пытался отправиться молодой Михаил Ломоносов, но его кандидатура не была поддержана. Единственной удачей можно считать включение в состав экспедиции П.Рычкова¹⁰⁹ - в качестве бухгалтера. Совсем еще молодой человек, он ничего особенного из себя не представлял; все его таланты раскрылись позднее, так что вряд ли можно ставить выбор его в особую заслугу Кирилову. При этом таланты никак не были связаны с его первоначальной профессией - как бухгалтер Рычков оказался совершенной бездарностью.

Наконец, все было собрано. Получив грамоты ханам, подарки и денежные средства, первая колонна Экспедиции 15 июня 1734 г. выступила из столицы к месту назначения. Вторая группа под командованием поручика флота Бахметева вышла двумя неделями позже из Москвы на гребных судах. Без особых происшествий Оренбургская экспедиция в начале октября прибыла в Казань, а 10 ноября - в Уфу. Здесь в распоряжение Кирилова были переданы Пензенский и Вологодский армейские полки и часть крепостного гарнизона, в том числе городские казаки и дворяне. Острую проблему для властей края представляло снабжение солдат и жителей будущих

¹⁰⁵ Материалы для истории императорской Академии наук. – Т. III. - С. 500 А. Чибилев, напротив, полагает приглашение И.Г.Гейнцельмана удачей, называя его «известным ботаником», указавшим 401 вид оренбургской флоры.. [Ук. соч. - С.16.]

¹⁰⁶ «участие англичан в Оренбургской экспедиции... не было случайным». [Матвиевский П.Е. О роли Оренбурга в русско-индийской торговле в XVIII в. // История СССР. – 1969. - №3. – С.98-111.] А.Кузьмин объяснял это «флиртом с английскими торговыми компаниями, который в то время вел Бирон» [Ук. соч. – С.241.]

¹⁰⁷ Матвиевский П. Ук. соч. - С.101. Кстати, рекомендовал его посол в Лондоне А.Кантемир.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Д.Лебедев: «с помощниками, среди которых находился ставший затем крупным географом П.И.Рычков»... [Л.юди русской науки. - С.319.]

укреплений продовольствием. Было решено доставлять хлеб из Сибири и Исетской провинции под охраной вооруженных конвоев. В качестве одного из опорных пунктов на пути намеченного маршрута движения провиантских обозов, по указанию руководителя экспедиции, в конце 1734 г. была построена Верхнеяицкая пристань (позднее переименованная в Верхнеуральскую крепость), где разместился немалый по тем временам гарнизон из двух рот солдат одного из пехотных полков. Кирилов, верный своей манере преувеличивать значимость всего им содеянного, сразу же доложил в Сенат, что «место это столь удобно, что не токмо к Ори реке из Сибирских слобод провиант из Екатеринбурга всякие припасы водою на них будут сплавляться, но и до самого Каспийского моря впрдъ провиант пойдет».¹¹⁰

15 декабря 1734 г. И.К.Кирилов информировал В.Н.Татищева в Екатеринбурге, что на первый случай надеется организовать провоз хлеба к устью р.Орь уфимскими, бирскими и мензелинскими служилыми людьми за плату и потому просил его для осмотра места под будущую пристань и изготовления чертежа послать в верховья р.Яика геодезиста с купцом. А 30 марта И.К.Кирилов писал В.Н.Татищеву, что Верхнеяицкая пристань должна «утвердиться»: «...первая рота в крепком месте рогатками окинулись, а другая рота и адмиралтейские служители отсюда пошли 16 марта». Туда же были завезены на башкирских подводах артиллерийские припасы⁸⁶. В октябре 1735 г. пристань уже существовала и там было указано укрепить магазины и определить гарнизон⁸⁷. Хлебные обозы шли на Верхнеяицкую пристань, там перегружались на речные суда и сплавлялись к Оренбургу, что существенно сокращало время и расходы на его доставку в новые укрепления.

Резкое усиление активности русских властей никак не могло пройти незамеченным. Башкиры заволновались – достаточно долго сохраняемый status quo явно оказался под угрозой. Ни во второй половине XVI в., ни в XVII в. не наблюдалось сколько-нибудь серьезного движения русских в Башкирию. Картина ощутимо стала меняться с началом строительства заводов на Среднем Урале в 10-20 гг. XVIII в. Башкиры очень болезненно реагировали на строительство заводов в пределах своих кочевий. Изданные в 30-х гг. сенатские указы вроде бы подтверждали их земельные права, но одновременно происходило изъятие земли под заводы, крепости, монастыри. В начале XVIII в. каждый завод так или иначе задействовал до 20-30 верст кругом.¹¹¹ Истребление лесов в округе (выжигание в уголь и т.п.) неизбежно и неотвратимо увеличивало радиус и, значит, влекло за собой новые захваты. Надо ли говорить, что заводчики вряд ли считались с желаниями и интересами местного населения. Напряженность нарастала. И в этих условиях в Уфе «вдруг» наблюдается чрезвычайное оживление - подтягиваются войска, готовятся обозы, появляются приезжие из столицы. То, что мы знаем о личности Кирилова, дает все основания говорить, что вел он себя там как самый большой начальник – как же, именной указ государыни!¹¹² Шума и одновременно таинственности было, судя по всему, немало. Башкиры проявили естественную в такой ситуации озабоченность – поскольку все очень уж походило на подготовку военного вторжения. О реальной цели проинформировать башкир никто официально не удосужился. За что, собственно, затем и поплатились.

¹¹⁰ Витевский В. – Ук. соч. - Ч.1. - С.141.

¹¹¹ Акманов А.И. Земельная политика царского правительства в Башкирии (вторая половина XVI – начало XX вв.) Уфа: Китап, 2000. – С.14.

¹¹² Сомневающимся в этом рекомендуем перечитать С.Соловьева «Историю России» (Т.20, гл.4.), который приводил пространные выдержки из донесений Кирилова из Уфы на имя императрицы: он «сделал представление», чтобы «воров» отправляли в Казань в работы, суду «представил», чтобы «волоки убавили», «велел» брать мировые пошлины, малый сбор в 12 руб. «отставил» и приложил его к кабацкому сбору и т.п. Иными словами, он активно стремился руководить всем, смело влезая в прерогативы местных властей. [Соловьев С. История России... - Т.Х. – М., 1963.– С.587-588.]

В литературе (особенно это сильно у башкирских авторов) принято утверждать, что башкиры-де сразу же поняли, что основание Оренбурга «приведет к окружению Башкирии с востока». Чаще всего, все ссылаются на мнение А.И.Добросмыслова, который писал: «в то время, когда Кирилов в течение зимы 1734 - 1735 годов занимался приготовлением к походу к устью реки Ори для постройки города с крепостью, влиятельные башкиры во главе с Кильмяк-Абызом также занимались обсуждением текущих событий и пришли к заключению, что с постройкой города и крепости на устье Ори Башкирия постепенно будет окружена с восточной стороны и таким образом навсегда войдет в состав России, и, кроме того, не будет никакой возможности возвратиться от киргиз те земли (северные части нынешней Тургайской области), которые они отняли у них не более четверти века тому назад, и потому решили оказать русскому правительству противодействие в осуществлении предположений его об устройстве восточных окраин, с оружием в руках».¹¹³ Он же, со ссылкой на Витевского утверждал, что башкир ногайской дороги Тохчура, бывший тогда в столице, узнал, что Кириловым «составляется проект о присоединении киргизских орд к России». И тогда он якобы написал об этом в Башкирию влиятельному башкиру Кильмяк-Абызу «в котором выяснил действительное значение экспедиции».¹¹⁴

Поскольку иными источниками – и доказательствами – мы не располагаем, попытаемся дать свое толкование происшедшего. В условиях неясности намерений русских, башкирские старшины естественным образом должны были обсудить ситуацию. Какие-то обрывки сведений из Уфы они наверняка получили и потому о будущем городе узнали. Собственно, нам не очень верится в то, что в Уфу явились «послы с требованием отказаться от сооружения города». Скорее всего, это были представители родов, желающие выяснить, что же происходит.¹¹⁵ Вместо этого, они

¹¹³ Добросмыслов А.И. Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 годах. [Труды ОУАК. - Вып. VIII. – 1900. - С.9.] Схожее его суждение: Тургайская область. // Известия ОО ИРГО. [Вып.15. – С.19.] Добросмыслов, как нам представляется, взял рассуждение о неизбежности окружения Башкирии крепостями у Рычкова. Действительно, у последнего есть сужение на этот счет. Но смысл сказанного у Рычкова иной: «Ибо предвидя они, что вся Башкирь городом сим и прочими по реке Яику строить назначенными крепостями будет окружена, следовательно, к наглостям и своевольствам, какие они прежде проделывали, не будет уже им возможности, крайне и всеми силами до пролития крови старались, строение оногo города и прочих крепостей и поселение в них военных регулярных людей воспрепятствовать». [Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Уфа: Китап, 1999. – С.54.] Из Рычкова выходит, что опасность окружения башкиры ощутили *после* строительства Оренбурга и крепостей.

¹¹⁴ Добросмыслов А.И. Башкирский бунт... - С.8 (у В.Витевского: С.141.) Нам вот этот эпизод представляется не очень убедительным. Оставим в стороне вопрос – откуда узнал Витевский (при том, что ссылки на источник нет)? Это не столь важно. Зададим несколько недоуменных вопросов: кто такой Тохчура и что он делал в Петербурге? Насколько и откуда он оказался осведомленным на этапе «составления» (!) проекта? Как он написал в Башкирию? Кто переправил письмо? И, наконец, – о каком «действительном значении» экспедиции идет речь, если планировался только один город? Между прочим, А.Алекторов, упоминая о письме старшины «Тохтура» к «Кильмяку-Абызу», определял его как попытку возмущения против русских вообще. [Ук. соч. - С.20.] В недавно вышедшей книге Р.Зинурова мы впервые встретили уточнение – якобы известие об экспедиции сообщил из Петербурга старшина «зашифрованным сообщением». [Башкирские восстания... - С.247.] Как обычно, источник – не назван; а жаль... Это уже напоминает: «центр-Юстасу»... Впрочем, в 2000 году в Уфе были опубликованы работы французского историка 40-х гг. Роже Портала, который еще тогда утверждал, что башкиры были якобы предупреждены о проектах Кирилова «тайным агентом казахов»!!! [Башкиры и Россия в XVIII веке. // Ватандаш. – №3. - 2000. – С.142.] И так, в 1-й половине XVIII века в Петербурге действовало две разведгруппы с востока – не многовато ли, господа «историки»?

¹¹⁵ См. у И.Акманова: «для слушания указа» [Башкирское восстание 1735-1737 гг. – Уфа: БГУ, 1977. - С.33.] Несколько позднее он же писал, что съезд представителей (йыйын) всех волостей 4-х дорог дважды просил Кирилова приехать «с просьбой разъяснить им цели похода». [Акманов И.Г. За правдивое освещение истории народов (Замечания к книге В.Имамова «Запрятанная история татар». Набережные Челны, 1994.) – Уфа: Китап, 1995. – С.43.]

были избиты и брошены в тюрьму. Разумеется, это никак не поспособствовало успокоению, а напротив, подкрепляло версию о вторжении.

Первые сведения о нарастании недовольства Кирилову, и конечно же, в столицу, поступили в марте 1735 г. от В.Татищева и казанского губернатора П.Мусина-Пушкина, в чьем ведении находилась значительная часть Башкирии согласно указу Петра от 18.12.1708 г.

Кирилов предпочел проигнорировать предупреждения, и, стремясь дезавуировать эту информацию, поспешно донес, что «то известие не основательно», заодно обвинив адресатов в паникерстве. Башкирцы, - заявил он, - собираются потому, что «им объявлено являться на будущую стройку». А вообще они «всеми чинимыми распоряжениями довольны».¹¹⁶ И так, Кирилов солгал - не в первый, и, к сожалению, не в последний раз.

Проведя в Уфе необходимые подготовительные работы, он 11 апреля 1735 г. выступил из крепости в сопровождении двух рот драгун, сформированных из «дворянских детей» провинции. Избранный маршрут был новым, но, как показали события, совершенно неудачным. П.Рычков в своей «Топографии Оренбургской губернии» писал, что если бы Кирилов знал о существовании маршрута от г.Самары, «то, может быть, от Башкирцев замешательства, и в том бы его предприятии такого затруднения, какое было, не последовало».

И хотя Рычков вроде бы оправдывал руководителя экспедиции, восклицая - «при начатии великих дел всего вдруг предусмотреть не можно»¹¹⁷ - но и он не скрывал, что существовал иной, более удобный путь. Поход экспедиции «до самого Уральского Сырта подле реки Самары» позволил бы не столкнуться с башкирами – «башкирских жилищ нигде б не было», как не было б их и далее – «башкирские жительства остались бы от него внутри и в таком отдалении, что им тому походу препятствовать бы было невозможно».¹¹⁸ Но Кирилов предпочел самый невыгодный маршрут.

Нам кажется достаточно возможным и иной вариант событий – если бы Кирилов снизошел до диалога с башкирами, разъяснения намерений. В принципе башкиры были настроены, поначалу, разумеется, достаточно миролюбиво, и потому они вполне могли беспрепятственно пропустить экспедицию на юг – возникновение одного Оренбурга, точно так же, как в свое время Уфы, кардинально на ситуацию не влияло. Для этого требовалось совсем немного, но такое, чего Кирилов никак не мог сделать – переступить через свою гордыню и перестать вести себя как большой европейский чиновник в колониальной стране. Башкир он не знал, и, что важнее всего, не хотел узнать. «Башкирцы самый плюгавый и неоружейный народ» - писал он в письме к Бирону, кстати, вскоре после того, как военный отряд Чирикова уже был разгромлен «неоружейными» башкирами.¹¹⁹

Почти два месяца Кирилов простоял на реке Чесноковке, ожидая подхода пяти рот вологодского драгунского полка, перебрасываемых с Закамской линии. Через десять дней после начала движения к Кирилову вновь прибыли посланники - двое башкирских старшин, теперь уже с предупреждением и требованием возвратиться назад. Последний шанс мирно договориться был амбициозным начальником Экспедиции отвергнут – старшин подвергли строгому допросу, после пыток один из них умер.

¹¹⁶ Добросмыслов А. Башкирский бунт... - С.33.

¹¹⁷ Рычков П.Н. Топография Оренбургской губернии. – Оренбург, 1887. - С.319.

¹¹⁸ Там же. – С.318-319.

¹¹⁹ Соловьев С.М. История... – Т.Х.- С.590.

Судя по всему, Кирилов почувствовал, что пахнет жареным – и 15 июня он внезапно выступает с отрядом порядка 2500 чел. Эта поспешность обошлась всем достаточно дорого. Вологодские роты подполковника Чирикова подошли в Чесноковский лагерь четыре дня спустя и поспешили следом. 1 июля в 160 верстах от Уфы на колонну напали около 3000 башкир из отряда Кильмяк-абыза. Потери составили 60 чел., в том числе погиб и Чириков; башкирам достались 46 повозок обоза. Отряд поспешно уходил, пытаясь оторваться от преследовавших его башкир – новые атаки произошли 2-го, 3-го и 9-го июля. Все более таящий отряд, точнее, его остатки, наконец присоединились к Кирилову 10 июля в 291 версте от Уфы.

Фактически экспедиция была разгромлена, серьезно не начавшись – потеря основной части боевого сопровождения (а это означало еще и потерю рабочих рук на будущем строительстве) и продовольственных запасов (почти тогда же хлебный обоз, шедший из Сибири, столкнулся с отрядом башкир в 260 чел. и потерял 40 подвод) делала успех весьма иллюзорным.

Эти события вызвали соответствующую реакцию Кирилова, причем проявились при этом худшие черты его характера. Чем сложнее становилась ситуация, тем больше он врал в своих донесениях, стараясь приуменьшить беду. И еще одно – он никогда не признавал собственных промахов, напротив, обязательно искал кого-либо крайнего. Так, он поступил, например, сообщая Бирону о разгроме отряда Чирикова. Все было преподнесено, как результат досадной оплошности, вина за которую ложилась полностью на погибшего подполковника. Писал он также кабинет-министрам вице-канцлеру А.Остерману и князю А.Черкасскому; здесь он обвинял уже Татищева, который якобы слишком поздно дал пушки¹²⁰. Об его, откровенно говоря, подловатой манере перекалывать ответственность в глазах начальства на кого-либо еще, исключая самого себя, говорим, кстати, не мы первые.¹²¹

К устью р. Ори остатки экспедиции добрались лишь 6 августа 1735 г. Все испытывали муки голода и неизвестно, чем бы все завершилось, если бы к этому месту не прикочевал Абулхайр, который дал мяса. Идти еще куда-либо у экспедиции не было сил и Кирилов поспешил объявить цель достигнутой. 15 августа в торжественной обстановке на возвышенном месте была заложена крепость с четырьмя бастионами и «цитаделью малою».¹²²

Уже 16 августа Кирилов поспешил послать императрице поздравление с приобретением «Новой России». Он утверждал, что она по своим природным богатствам будет иметь не меньше значение, нежели открытые европейскими

¹²⁰ «Сосед мой, Василий Никитич еще изволил покушаться: приведя к самой распутице, отпустил пушечки и фальконеты, наняв безмерною ценою». [Соловьев С. История... – Т.Х. - С.589.]

¹²¹ Более осторожно, и не углубляясь в детали, писал об этом А.Добросмыслов. [Башкирский бунт... - С.102.]

¹²² Как нам представляется, именно от победных, но далеко не всегда соответствовавших реальности реляций Кирилова и утвердилась в литературе совершенно странная и необоснованная уверенность в том, что Кирилов якобы сразу же возвел крепость. См., напр., суждения М.Новлянской: «30 августа постройка крепости была закончена»; «Закрепившись в четырехбастионной крепости, И.К.Кирилов приступил к строительству самого города Оренбурга по утвержденному проекту и чертежам...» [Новлянская М. Ук. соч. - С.109, 110.] Сходно рассуждал Л.Иофа: «Итак, город построен». [Города Урала. - С.148.] В рапорте в Сенат начальник экспедиции отмечал: «августа 15 Оренбургская первая крепость купно с цитаделью на малой горе Преображенской заложена и следует работа с поспешностью». Никто из писавших об этом событии не попытался хотя бы задуматься – как за две недели (15-го заложили, а 30-го – ввели гарнизон, 31-го поставили пушки) ограниченными силами людей, страдавших от недоедания (причем большинство из них не строители, а солдаты!), в безлесной местности можно возвести четырехбастионную крепость!? Заложили – да, наметили рубежи – тоже допускается, но большего не могло быть – или мы ничего не смыслим в российской ментальности. Сомневающимся мы призываем еще раз перечитать инструкцию, данную Кирилову – да он почти слово в слово повторяет ее.

державами новые, прославленные металлами и минералами земли...»¹²³ В уже отмеченной ранее свойственной ему манере постоянно подчеркивать результативность своих действий, он там же особо отмечал, что достиг Ори «благополучно» и попутно разведал на территории заложеного города месторождения медных и серебряных руд и камней: порфира, яшмы и мрамора.¹²⁴

К этому времени он, судя по всему, прекрасно осознал всю шаткость и ненадежность своего положения. Выход в итоге к Ори и Яику, цена этого похода, неизбежно должны были подвести его к осознанию факта, что он глубоко заблуждался как в оценке ситуации, так и в перспективах.

То, что дела пошли не так, как намечено, стало известно и в столице. Вслед Кирилову был послан специальный указ, фактически сворачивавший экспедицию. «По причине учинившегося от башкирцев возмущения, - говорилось в нем, - по первым от том здесь из Казани и других мест полученным ведомостям, в Нашем указе из Сената к вам между иным писано, что, ежели те ведомости подлинно основательны и башкирцы, действительно, в противностях состоят, то в таком случае вам, ежели то без азарту учинить возможно, как за теми противностями, так и за поздним временем, со всем своим корпусом возвратиться на Уфу или по близости иттить ко яицким казакам и тамо при Сакмарске, или в Другом удобном месте, остановиться..., о чем вам потом в указе ж из Нашего Кабинета, от 27 августа... подтверждено». Кирилову просто повезло – этот указ дошел до него уже на обратном пути от только что заложеного Оренбурга. А его победная реляция на время успокоила сомневающихся.

31 августа Кабинет от имени императрицы дал отбой прежнему распоряжению о прекращении похода: «...Вы во оном своем доношении Нам доносили, что вы от Ор-реки в близости находились, тамо, по данной вам Нами инструкции, строение крепости начать намерены были, того ради видится, что уже того строения оставлять и назад возвращаться вам не надлежит, разве б по состоянию того башкирского возмущения сие необходимо потребно было...»¹²⁵ Это, как нам кажется и объясняет постоянное доказывание Кириловым, что уже построено достаточно многое и бросать это уже невыгодно. Одновременно он с таким же постоянством пытается очернить варианты, предлагаемые иными деятелями – собственно поэтому он так старательно в каждом донесении и поливает грязью то того, то другого чиновника.¹²⁶ Ряд лиц, в том числе В.Татищев, в отличие от него, провели в крае достаточно времени, и знали ситуацию не понаслышке. Естественно, они не могли спокойно наблюдать то, что творил Кирилов. Их предложения были более жизненны и если бы в столице прислушались к ним, то возможна была бы корректировка проводимого курса к лучшему. Но это, в свою очередь, означало бы лишение Кирилова всех преимуществ. А этого он допустить никак не мог и потому, используя все способы, продолжал отстаивать и проводить в жизнь самый проигрышный, самый дорогостоящий, самый авантюрный вариант.

Достаточно скоро, 7 сентября, Кирилов уезжает из вновь основанного города, чтобы уже более никогда туда не возвращаться. Переложив, как всегда, ответственность на другого – поручив дело «достраивания» крепости подполковнику Якову Федоровичу Чемодурову, он поспешно возвращается в Уфу, забрав наиболее боеспособную часть команды и часть продовольствия. Свое откровенное бегство он

¹²³ Новлянская М. Ук. соч. - С.109. Спрашивается, чем не победный рапорт из какой-нибудь Батавии или Новой Каледонии?

¹²⁴ Специально для всех, кто готов отстаивать авторитет Кирилова – где в сегодняшнем Орске есть мрамор, яшма, серебро?

¹²⁵ Рычков П. История Оренбургская. - С.27.

¹²⁶ О проекте Татищева: «Ведаю его намерение строить на башкирских землях заводы и будто бы башкирцев тем лучше в покорение привести можно, но подлинно он обычаев их не знает». [Соловьев С. История. - Т.Х.- С.589.]

прикрывает намерением поисков «воров-башкирцев». Однако, никаких «поисков» он не вел, а просто спешил дойти до Уфы. Вероятно, чтобы еще более прикрыть свое фактическое дезертирство, Кирилов отправляет на поиски «воров» и Тевкелева, придав ему три роты драгун и несколько сот нерегулярных солдат. Задание было дано почти как в насмешку - найти в бескрайней Башкирии тех, кто напал ранее на провиантский обоз. Однако Тевкелев послушно исполняет приказ. 18 сентября он дошел до Сакмарска, где казнил нескольких пленных. В 130 верстах от Оренбурга на его отряд напали башкиры Акая Кусюмова. Бой затянулся на четыре дня - пока башкиры не отошли. Тевкелев тогда сообщал, что якобы он побил несколько сот «воров» при отсутствии потерь со своей стороны.¹²⁷ Верится в это с трудом. Когда небогатое продовольствие стало кончаться, отряд перешел на само обеспечение – достать что-либо у башкир можно было только силой. Думается, не будет преувеличением, если сказать, что каждый кусок был сполна оплачен кровью. Поставленная задача рейда была уже забыта – нужно было постоянно воевать только для того, чтобы не умереть с голоду.

В то время, как Кирилов уже отсиживался в Уфе, Тевкелев продолжал свое бесцельное движение по краю – отряд его двигался под проливными дождями, 15 сентября неожиданно выпал снег. Начался падеж лошадей. 20 сентября остатки отряда Тевкелева укрылись в Верхнеяицкой крепости. Сам Тевкелев добрался до Уфы только в начале второй половины ноября.

Кирилов в это время победно рапортовал о том, что приступил к созданию «подлинной ландкарты» и также об открытии в Сакмарском городке медной руды и закладке там шахты.¹²⁸ Не менее авантюрным было заявление о намерении построить в Оренбурге серебряный завод.

К октябрю положение в Оренбурге стало весьма плачевным – продовольствие так и не было подвезено. В конце сентября кончились крупы, начали варить муку. Не хватало одежды, начались болезни. И все же, определенное строительство велось. 30 октября в донесении И.К.Кирилову Чемодуров писал, что «в крепости всякое строение и за крепостью рвы работою окончены, только еще строением не окончилась церковь Божия, также и в верхней цитадели шпостурм, и то, надеется, в скорости окончится, а за крепостью для приезжаемых киргизцев и башкирцев вместо рубленных изб, сделаны в разных местах две большие землянки». В ноябре стало ясно, что провианта осталось только на месяц, но полковник надеялся, что они сумеют растянуть имеющиеся запасы до марта, пока не придут из сибирских слобод обозы с хлебом.

Кирилов хлебом не помог, но зато распорядился уменьшить число едоков – он приказал Чемодурову отправить 800 чел. гарнизона в Течинскую слободу через Верхнеяицкую пристань. Решение было более чем рискованным и, как оказалось, преступным. 24 ноября отряд под командованием премьер-майора Рагинского выступил из крепости. Солдаты смогли пройти около 30 верст и вынуждены были вернуться: при этом 5 чел. замерзли, 150 поморозились. Однако приказ прозвучал – и 27 ноября вновь 773 человека покидают Оренбург. Все, что Чемодуров мог сделать, это направить их другим путем – в Сакмарский казачий городок по Яику, что составляло 280 верст. Продовольствия же отряду было выдано только до 13 декабря. В итоге пятьсот человек погибло, из оставшихся 80 госпитализировали с сильными обморожениями конечностей. Разумеется, об этом «инциденте» Кирилов в Сенат не сообщил. Гибель сотен российских солдат полностью остается на совести

¹²⁷ Добросмыслов А. Башкирский бунт... - С.41.

¹²⁸ Аполлова Н. Ук. соч. - С.104.

«выдающегося исследователя и патриота».¹²⁹ В Оренбурге осталось две роты солдат и 100 казаков. Только 8 июля 1736 г. в крепость пришел первый обоз. Какой ценой гарнизон смог дожить до этого – остается только догадываться.¹³⁰ Отметим, что все это время в Оренбурге находился в качестве заложника – аманата ханский сын Ирали, взятого Кириловым, между прочим, в нарушение инструкции.

Восстание башкир приобрело повсеместный характер. «Бунт башкирцев» ставил под угрозу все. Серьезно опасаясь за судьбу своего начинания, Кирилов вновь и вновь старается убедить Бирона в полезности экспедиции. Так, в письме от 23 июля 1735 г. он не скрывал своего беспокойства, что «для такого малого воровского нападения, да оставлено будет к великой славе и пользе зачатое дело...»¹³¹ Он писал, что в случае прекращения экспедиции «не токмо новые многие народы, пришедшие в подданство и еще желающие подданства со многими городами, яко Ташкент и Арал, можно потерять, но и нынешний случай к подборанию рассыпанных бухарских и самаркандских провинций и богатого места Водокшана упустим, и сверх того старым подданным, башкирцам, случай подается впредь злодействовать по их магометанству, внутренних ко христианству врагов». Восстание башкир следовало, по мнению Кирилова, обратить на пользу России.

Достаточно перечитать пункты инструкции императрицы, чтобы убедиться, что на тот момент Кирилов фактически не выполнил таковой. Шумно разрекламировав выполнение небольшой части – касательно основания города – Кирилов прекрасно осознавал, что сделать все остальное он просто не сможет. Да, начавшееся башкирское восстание создавало серьезнейшие трудности. Но давайте сделаем допущение - а что, если бы башкиры *не* восстали? Тогда Кирилову пришлось бы достаточно туго. Так что нет ничего удивительного в том, что он поспешил использовать восстание в своих целях.

Уже 16 августа 1735 г. И.Кирилов направил в столицу свой проект прекращения башкирского восстания.¹³² Кабинетный ученый, «горячий патриот» и «ценитель просвещения» «вдруг» превращается в свирепого «ястреба». ¹³³ Он требует отправлять в ссылку любого, кто назовет бунт войною с русскими. И это понятно – «бунт» есть дело внутреннее. Бунтовщикам же Кирилов сулил казни и разорение: «земли отписывать русским и татарам и тем перемешать.. утвердить городки на воровских землях, войска переподчинить сыщикам». Окружив крепостями со всех сторон «воров», «и их жен, и детей, и пожитки их, и лошадей, и скот брать, и дома вовсе разорить, и которые пуще заводчики, тех по указам на страх другим казнить, а непущих и детей мужеска полу, годных в ссылку, в Остзею послать, а жен и детей, девок развесть во внутренние города и раздать». Снова и снова Кирилов повторял: разорить, казнить, сослать -

¹²⁹ Совершенно не правы те, кто пытается оправдать Кирилова. Так, М.Новлянская утверждала, что всему виной ... башкиры, препятствовавшие проходу обозов – «Задержка в своевременной доставке продовольствия в г.Оренбург имела своим следствием голод и гибель нескольких сот солдат Оренбургского гарнизона». [Ук. соч. – С.112.]

¹³⁰ Но если и теперь кто-либо станет утверждать, что и тогда строительство крепости продолжалось, то остается только разводиться руками.

¹³¹ Соловьев С. История... – Т.Х. – С.590.

¹³² Текст у Добросмыслова в «Башкирском бунте»...С.23-28.

¹³³ Единственный, кто попытался объяснить эту пертурбацию, был А.Добросмыслов: «Благодаря тому, что до назначения на должность начальника оренбургской экспедиции, он исключительно занимался в канцелярии и не был знаком с действительной жизнью (sic!), ему казалось, что все непременно должно делаться по требованию начальства, а когда это требование не исполняется – жестоко карать». [Там же. - С.104.]

«чтобы корень их был вовсе вырван». С расчетом на будущее он полагал необходимым у мятежников отбирать земли и селить на них переселенцев.¹³⁴

Итак, немаловажной частью нового плана было строительство сети городов-крепостей «на воровских землях»: «никак невозможно одною Уфюю, сколько б она многолюдна не была, такую великую обширность обнять, что по меньшей мере до Мензелинска триста, до Сакмарска, где самое малолюдство казакишков, триста ж, до Оренбурга прямою дорогою с четыреста, а к Верхотурью и Екатеринбургху верст по пятисот, до сибирских слобод с семьсот». Отметим, кстати, что расстояния в несколько сот верст теперь он оценивал как «великую обширность», в то время как ранее, в проекте, небрежно упоминал о «каких-то» 500 верстах до Аральского моря.

План этот, также как предшествующие этого автора, страдал излишней детализацией подробностей («в нужных местах - на большом расстоянии между городами - нужно утвердить городки малые») и недопониманием реальной картины – якобы у «вернослужащих башкирцев» строительство не вызовет несогласия. Именно этот план многие авторы, заинтересованные в доказывании агрессивности России на востоке, использовали в качестве убедительного аргумента.

Но в том то и дело, что строительство цепи крепостей было действительно единственным приемлемым выходом из сложившегося положения. (Разумеется, был еще один – бросить все и отступить – но это было невозможно).

Повторим еще раз – первоначально строительство должно было ограничиться только Оренбургом. Всем авторам, кто берется утверждать об изначальном намерении экспедиции и Кирилова строить крепости по всей Башкирии, тем самым как бы оккупируя ее, предлагается вновь перечитать его проект и инструкцию императрицы. Обычно пишут: строительство было начато – и это само по себе было как бы доказательством. Однако, какие-либо действия не могут быть исключительным доказательством намерений. В то же время следует признать, что в случае гипотетического успеха – башкиры примирились (не восставали вообще), Оренбург возведен – долго так продолжаться бы не смогло. Удаленность Оренбурга от прочих городов и крепостей неизбежно поставило бы на повестку дня строительство промежуточных, как бы перевалочных пунктов, своеобразной цепочки, пересекавшей Башкирию. Крепости стали бы строиться все равно. И мы готовы признать, что башкиры, знающие реальную картину, это скоро поняли. Но в том-то и дело, что «выдающийся географ» Кирилов всего этого не знал. Судя по его заявлениям, он поначалу был убежден в том, что новый город будет очень недалеко от Уфы.

Узнав, что есть на самом деле, он начинает проталкивать идею крепостей. Но в условиях башкирского «бунта» новый план сразу же корректировался задачами подавления – и потому предлагалось возводить крепости не только по линии Уфа-Оренбург, но и с иной целью – установления контроля над всей территорией, расстановкой крепостей в стратегических точках, т.е. значительно шире, нежели было нужно в первом случае. Можно предположить также, что жесткость Кирилова объясняется стремлением расчистить место под крепости.

Склонность Кирилова к масштабности замыслов проявилась и теперь – задумано им было создать 44 городка, причем закладывать основную часть их намеревался лично, поскольку составлял ландкарту Оренбургского края.¹³⁵ Неудивительно, что многие из крепостиц появились сначала на бумаге, и только потом – в реальности.

¹³⁴ Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1734 год. – Т.2. / Сост. А.И.Добросмыслов. – Оренбург, 1900. – С. 80-86. Трудно удержаться, чтобы не припомнить: в свое время в проекте экспедиции Кирилов утверждал, что именно от них, переселенцев, башкиры терпят «кражи и воровство».

¹³⁵ Аполлова Н. Ук. соч. - С.105.

Осуществить очередной грандиозный замысел – теперь строительный – Кирилов никак не мог по причине нехватки рабочих рук. В.Татищев писал в Сенат 7 июня 1736 г.: «Токмо де строить оных некем и, не усмиря воров малыми людьми строить невозможно».¹³⁶ Сам он предлагал более рациональный, но менее помпезный метод – посылку для строительства воинских команд с боеприпасами и продовольствием не менее чем на год. Кирилова это явно не устраивало.

Почти одновременно башкирской проблемой занялись в Сенате. 5 августа было решено «немедленно послать персону знатную и надежную, которому дать полную мочь и власть, употребляя вначале добрые способы и уговоры, а если добрые способы не подействуют, то употреблять оружие».¹³⁷ «Персоне» давалось право поступать по своему решению. Было решено объявить башкирам, что «если б они поставили себе в обиду строение крепости на реке Ори», то следовало объяснить, что строится она для их защиты от казахов.

Этой «персоной» стал ранее опальный А.И.Румянцев, находившийся с 1731 года в ссылке в казанском имении. 12 августа 1735 г. он был освобожден из-под караула, ему вернули чин генерал-лейтенанта и поставили во главе команды, «которая определена для прекращения башкирских замешаний, быть главным командиром». Ему переподчинялись все воинские командиры в регионе. Кирилову предписывалось с ним «иметь коммуникацию и частую корреспонденцию и во всем по его ордерам и наставлениям поступать», а также «сообщить, какие способы находишь ко укрощению одного от башкирцов возмущения, как со своей, так и с его стороны...».¹³⁸ В свою очередь, Румянцеву указывалось, что когда «к военным действиям дойдет», то Кирилову надлежало действовать «согласясь с тобою, по твоему благоизобретению».¹³⁹

Таким образом, Кирилов оказался в зависимости от Румянцева. Мероприятия, проводимые последним были более мягки, нежели предложения Кирилова – но не из гуманности, а по заданности указом. Румянцеву предписывалось не только карать, но и осуществлять правосудие: разбирать, если есть у башкир обиды и принимать соответствующие меры. Обязательно следовало защищать «верных» башкир. До этого момента, судя по всему, карали, что говорится, «и правого и виноватого». Вина в этом в немалой степени лежала на Тевкелеве, который причинил немало обид башкирам. Выходило, что косвенно виновным оказывался и Кирилов, которому последний подчинялся. Но самое главное - Кирилов фактически лишался своего исключительного статуса – человека, облеченного *особыми* полномочиями государыни.

Терять это особое положение Кирилов не хотел ни в коем случае. Сохранение такового было для него явно важнее выполнения прочих задач «Проекта». В декабре 1735 г. он и А.Румянцев встретились в Мензелинске и разработали конкретный план усмирения Башкирии. Практически все авторы сходятся во мнении, что проект был составлен именно Кириловым. Достаточно едко об этом высказывался А.Добросмыслов: «был большой мастер составлять проекты, занимаясь такого рода делами весьма продолжительное время в сенате».¹⁴⁰ Может быть, составлял и не он один – но заслугу он приписал себе точно.¹⁴¹ После совещания А.И.Румянцев вернулся в Казань, а И.Кирилов отправился с проектом в Санкт-Петербург.

В итоге Кирилов добился своего. В изменившейся ситуации он опять оказался на коне как знаток башкирской проблемы, с самого начала предлагавший жесткие

¹³⁶ Цит. по: Аполлова Н. Ук. соч. - С.105.

¹³⁷ Соловьев С. История... - Т.Х. – С.590.

¹³⁸ Рычков П. История... - С.18-19.

¹³⁹ Добросмыслов А. Башкирский бунт... - С.32-38.

¹⁴⁰ Там же. - С.60.

¹⁴¹ Хорошее выражение у С.Соловьева: «Кирилов написал, а Румянцев подписал...» [Т.Х. – С.592-593.]

меры. Наш скромный «ученый» оказался тем, кто смог убедить высшие власти в необходимости не поиска мирного диалога с башкирами, но строгости в отношении таковых. Кирилов убежденно заявлял, что башкир жалеть незачем: «причина нынешней предерзости башкирцев – это послабление их прежним своевольствам и воровствам».¹⁴² План Кирилова в принципе ломал все, что ранее сохраняло нормальную жизнь в Башкирии: он предлагал передать мещеракам, тептярям и бобылям «за их верность» земли, нанимаемые у башкир (что нарушало традиционное башкирское землевладение); строить крепости; запретить башкирам в уездах иметь кузнецов и кузницы; пойманных «в воровстве» и повинившихся (!) казнить или в ссылку ссылать; запретить сборища делать (т.е. традиционные собрания - йыйыны); запретить в «свойство» вступать с татарами; снять запрет на покупки угодий у башкир – «чтобы мешались с посторонними». «Башкиры опасны не настоящею своею силою, но будущим размножением от многоженства и приплыва беглых, - умничал Кирилов, - если бы противодействовать этому размножению без случая мятежа, то все бы взбунтовались, а теперь легко начать с открывшихся воров; когда они будут прибраны к рукам, тогда остатки легко укоротить и так в мутной воде обуздать».¹⁴³

Любитель наук и картограф по призванию оказался весьма кровожаден. Его план обрекал на смерть сотни и тысячи людей: башкир, сопротивляющихся покорению, и русских, посылаемых на строительство крепостей, заселение «освободившихся» территорий и подавление «бунта».

В столице Кирилов по собственному признанию, «на все чиненные от него представления полную и удовлетворенную резолюцию получил».¹⁴⁴ Он добился главного: конечно, одобрение свыше тоже немало стоило; но гораздо важнее для него было сохранение того, что есть. А это – казна, подведомственные солдаты, чиновники - всего более сотни человек. Экспедиция переставала быть экспедицией в первоначальном значении – походом с определенной целью. Из нее Кирилов стал делать определенную властную структуру, которая по его замыслу должна была проводить дальнейшую реализацию проекта и подавлять башкирское восстание.

Собственно, он и здесь ухитрился напортичь. Кирилову удалось убедить всех в Петербурге в том, что одной Комиссии будет недостаточно. В итоге и без того слабо согласованное дело подавления башкирского восстания запутывалось еще больше. На юге и юго-западе усмирением руководили И.Кирилов и П.Бахметьев, имевшие ставку в Самаре. В центре и на севере - казанский губернатор А.И.Румянцев. На северо-востоке - В.Татищев и А.Тевкелев. Слабая согласованность действий, вызванная отсутствием коммуникаций, усугублялась запуганностью подотчетности: Кирилова – перед Сенатом и Кабинетом, Румянцева – перед Военной Коллегией, Тевкелева – Коллегией иностранных дел, Татищева – Берг-Коллегией. При этом каждый из названных руководителей имел и реализовывал собственные цели и задачи. Создание чрезвычайного органа управления с особыми полномочиями - Комиссии башкирских дел – и должно было по идее дать необходимое единоначалие. Кирилов с его идеей создания второго такого же органа все это разрушил (но – заметим – спас свое руководящее место!). В самом деле, с подчиненной непосредственно ему сотней с небольшим человек особо чего он сделать никак не мог. А вот *руководить* всеми, кто имел реальные силы, он начал с большим удовольствием.

Примерно с этого времени в работах различных авторов появляются упоминания о т.н. Оренбургской комиссии, якобы заменившей экспедицию.

¹⁴² Соловьев С. История... - Т.Х. – С.593. Несомненный намек на «мягкость» Румянцева.

¹⁴³ Там же. - С.594. Хотелось бы откомментировать, но, к сожалению, все и так сказано более чем откровенно.

¹⁴⁴ Рычков П. История... - С.22.

Абсолютное большинство писавших о начальном этапе оренбургской истории вообще не придавало особого значения этому факту - полагая, что имело место простое переименование «экспедиции» в «комиссию» (П.Матвиевский, С.Попов, В.Дорофеев, А.Абрамовский и В.Кобзов, Ю.Зобов и др.). Вероятнее всего, все опирались на суждение очевидца П.Рычкова. Действительно, в «Топографии Оренбургской губернии» он писал: «надлежит знать и сие, что Оренбургская губерния, с пожалования городу Оренбургу привилегии, состояла под разными званиями, а именно: сначала, при статском советнике Кирилове, называли и писали ее известною, а потом уже Оренбургскою экспедициею. В бытность в оной господина тайного советника Татищева была она именована Оренбургская комиссия...»¹⁴⁵ Суждение можно понять (и понимали) так: экспедиция, комиссия, губерния суть синонимы («состояла под разными званиями»). Время переименования в «комиссию» Рычков точно не называл - «в бытность» Татищева. Позднейшие авторы сделали свои уточнения – как правило, переименование связывалось и связывается со вступлением Татищева в новую должность.

Едва ли не единственной, кто аргументировано высказался на счет времени переименования, была Р.Буканова. Она достаточно убедительно заключала, что это произошло после поездки Кирилова в столицу в начале 1736 г., когда тот пытался сохранить Оренбургскую экспедицию («отныне называвшуюся Оренбургской комиссией»).

Нам данное суждение кажется весьма заслуживающим доверия. Судите сами – что бы там не полагали другие авторы, но «просто так» переименования не делаются. Следовательно, должна быть убедительная причина – во-первых, и официальное решение – во-вторых. С этой целью мы просмотрели тома с 8-го по 10-й Полного собрания законов, чтобы уловить момент изменения названия. И внезапно обнаружилось, что такового нет. Впервые, по нашим данным, об «Оренбургской Комиссии» упоминается в именном указе кн.Урусову (!) от 20 августа 1739 года: «на поданныя доношения от нашего тайного советника Татищева о разных делах Оренбургской комиссии»; и в другом месте – «об определении к той Оренбургской Комиссии в помощь вам...»¹⁴⁶ Естественен вопрос – что же было ранее?

Подходить к вопросу с сегодняшней меркой будет не очень корректно – судя по всему, в абсолютистском государстве, каковым была Российская империя в тот период, особой значимости точности формулировок в правовых документах не придавали. Вообще все указания и ранее давались не структурам и органам, но конкретным людям – как, например, инструкция о построении Оренбурга от 18 мая 1731 г. адресовалась: «к тому делу Всемилостивейше отправили Мы тебя, Кирилова, и с тобою полковника Алексея Тевкелева...»¹⁴⁷ Или: Татищев в указах именуется просто «Главным Командиром» (без указания – чего?).¹⁴⁸

И все же. Рычков был не прав, утверждая, что все названия едины суть - в конце концов, экспедиция есть именно экспедиция, поход; комиссия – это уже орган управления; а губерния – прежде всего административно-территориальная единица. Или скажем иначе: Рычков по-своему прав, имея в виду только преемственность определенных руководящих структур (мы более склонны понимать его именно так), но тогда не правы все писавшие позднее – те, кто толковал цитату по-своему.¹⁴⁹

¹⁴⁵ Рычков П. Топография... - С.12.

¹⁴⁶ ПСЗ. – Т.10. - №7876.

¹⁴⁷ ПСЗ. – Т.8. - №6576.

¹⁴⁸ ПСЗ.- Т.10. – №7657.

¹⁴⁹ Но некоторое недоумение все равно остается – ладно, экспедиция, комиссия – это определенные органы, но губерния-то к таковым отнесена никак быть не может. По логике, следом за комиссией

Побывав в столице, Кирилов выбил себе новые полномочия. При этом никого в принципе не волновала соотносимость их с полномочиями других руководителей и органов. Собственно, нечто подобное мы уже наблюдали незадолго до этого – на самом начальном этапе подготовки Экспедиции в Уфе, когда Кирилов ввязывался во все прерогативы местной власти. Название «Экспедиции» номинально сохраняется. В документах Полного собрания законов (в 9-м томе) все упоминания об «Оренбургской Экспедиции» определенного свойства, а именно – никогда не упоминается, что Экспедиция должна что-то сделать, но говорится, что тот или иной расход должен был погашен за ее счет: «ссуду давать от Экспедиции», «к Экспедиции отпустить...50 тыс. руб.», «доходы, которые положены на экспедицию Оренбургскую, отдать в полную диспозицию Кирилова» и т.д.¹⁵⁰ Иными словами, речь не об Экспедиции, как таковой, а ее финансах и их судьбе.

Данная Комиссия (здесь неважно, действительно ли она была создана или же название родилось задним числом) по ходу дела все более приближалась к уже существовавшей Комиссии башкирских дел.¹⁵¹ Как нам представляется, специального решения о создании Оренбургской комиссии не было. Дополнительные полномочия, полученные Кириловым, по сути ставили его на равных с Комиссией Румянцева. Один Кирилов, естественно, действовать не мог – вот почему уже существовавшая при нем управленческая структура (Экспедиции) в итоге стала восприниматься как аналогичная структуре Комиссии башкирских дел. По аналогии же она позднее и стала именоваться «Оренбургской комиссией».¹⁵²

Итак, о новых задачах и полномочиях. Все авторы неизбежно упоминают об указе 11 февраля 1736 года. Некоторую путаницу создает то, что их в этот день было издано четыре (ПСЗ. - Т.9. - №№6887, 6889, 6890, 6893). Все они были именными; некоторые различие было в том, что первый (6887) был адресован всем «губернаторам и воеводам», второй и четвертый (6889 и 6893) адресно – статскому советнику Кирилову, третий (6890) – генерал-лейтенанту Румянцеву и Кирилову. По содержанию они кое в чем схожи.¹⁵³

Две важнейшие задачи определяли это содержание. Первая – продолжение реализации указаний, данных в «Инструкции» - прежде всего заселение Оренбурга и налаживание торговых контактов в Азии. Именной указ №6887 запрещал ввоз из-за

следовало называть губернское правление, канцелярию губернатора или еще что-либо подобное. Отметим, любопытную попытку Ф.Милькова (1949): он ввел выдуманное им же название руководящего органа – «Главное управление Оренбургским краем», разъясняя далее, что такое якобы называлось «при Кирилове «Известной экспедицией» и «Оренбургской экспедицией», а при Татищеве – «Оренбургской комиссией», а в 1744 г. оно просто «было переименовано в Оренбургскую губернию». [Оренбургские степи в трудах П.И.Рычкова, Э.А.Эверсмана, С.С.Неуструева. / под ред., с вступ. статьей и коммент. Ф.Н.Милькова. – М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1949. – С.7.]

¹⁵⁰ ПСЗ. – Т.9. - №6887, 6889, 6890.

¹⁵¹ В находящейся в Интернете «Башкирской энциклопедии» В.Н.Муратовой написана статья «Комиссия башкирских дел». Она определяет эту Комиссию «верх[овным] органом управления Башкирией». Любопытнейший вопрос о соотношении полномочий этой комиссии с «Оренбургской экспедицией», автор, к сожалению, обходит, делая весьма обязывающее заключение: они обе «в чрезвычайной ситуации должны были выполнять роль коалиционного правительства». Нам подобное суждение представляется весьма спорным и ничем не доказанным.

¹⁵² В именном указе от 9.6.1737 г. из Кабинета Татищеву говорится: «Мы Оренбургскую Экспедицию и все порученные Кирилову дела Всемилостивейше вам во управление поручили...» [ПСЗ. –Т.10. - №7278.] На первый взгляд, все предельно ясно, и правы те, кто полагал, что переименование произошло уже при Татищеве. Но можно взглянуть на эту фразу иначе, с акцентом на «все дела» - действительно все, в том числе и задачи, поставленные в свое время перед Экспедицией. Словом, упоминание Экспедиции в данном контексте не есть гарантия сохранения прежнего официального названия.

¹⁵³ Некоторые авторы, преследуя свои цели, делали своеобразную компиляцию цитат из всех четырех указов, выдавая полученное за текст «указа 11 февраля».

пределов Башкирии оружия и боеприпасов, а также обязывал губернаторов оказывать содействие желающим поселиться в Оренбурге и «других тамошних новых местах». Именные указы Кирилову (6889, 6893) повторяли положения прежнего, с конкретизацией обязанностей адресата. Указ же №6890 касался прежде всего вопросов наведения порядка в крае. Он адресовался и Румянцеву и Кирилову. Составлен он был явно на основе «Мензелинского» проекта, отвезенного в столицу Кириловым. На основе – не более. Простое сопоставление Кириловского проекта и указа позволяет обнаружить, что в центре по-прежнему придерживались более мягкого курса, в свое время рекомендованного Румянцеву.

Многие авторы, преимущественно башкирские, оценивают указ 13 февраля, как программу подавления башкирского восстания. На наш взгляд, более уместно вести речь о мероприятиях, направленных на нормализацию положения в крае, наведение порядка. И это не простая подмена понятий или игра в слова. «Подавление», как нам представляется, ставит карательные меры в центр всего. «Наведение порядка» включает мероприятия, закладывающие основы мирной, нормальной жизни. В данном случае, мы имеем дело более со вторым.

Во-первых, от местных властей требуется строгое разграничение местного населения в зависимости от участия в «бунте». «Верные» получали право сохранять при себе оружие. Все прочие разоружались. «Верные» мещеряки, тептяри и бобыли от «башкирского послушания» «отрешались».

С участвовавших «в воровстве» брался штраф «за казенный убыток и партикулярное разорение». Участвовавших в «смертных убийствах» надлежало «казнить смертию», прочих, наказав кнутом, ссылая: годных – в солдаты в Остзейские полки, негодных – в работу в Рогервик или «в здешние места на пашню».

В качестве профилактических мер «на будущее» – запрещалось иметь кузницы в башкирских жилищах и продавать башкирам вооружение и снаряжение. Всех пойманных беглых (неважно – русских или «иноверцев») ссылая либо в Остзею либо в горные заводы. Велено также было укрепить от возможных нападений старые селения «по Белой и Каме рекам». Для лучшего контроля за башкирским населением поручалось определить в волостях выборных старшин, принимать особые присяги у ахунов – и «чтобы все о худых поступках доносили». Запрещались любые «сборища», кроме традиционного на Чесноковке. Все эти меры по сути своей не содержали ничего экстраординарного – но только если бы они осуществлялись на традиционных «русских» территориях. Законодатели, явно сами того не осознавая в полной мере, стремясь поскорее разрешить тактическую задачу – умиротворение, совершали серьезнейший стратегический просчет. В погоне за конкретным результатом совершенно не учитывались ни традиционные устои башкирского общества, ни тот особый статус (привилегии), которым обладали ранее башкиры. Скажем, запрет йыйынов с сохранением общего (на Чесноковке) имел логическое объяснение – одно общее собрание контролировать властям было значительно легче, чем ряд локальных. А вот что этот запрет означал для башкир – никто не задумывался. В итоге указы 11 февраля ощутимо скорректировали всю политику российских властей в Башкирии. Впрочем, не только они – повлияли и конкретные действия тех, кто начал воплощать эти указы в жизнь.

Внимательное чтение указов 11 февраля вызывает удивление при сопоставлении с тем, как они стали реализовываться. Нигде – и мы это подчеркиваем! – нигде в указах не говорилось о необходимости истребления башкир. В принципе это вполне понятно – башкиры воспринимались как подданные и потому строгие меры в отношении бунтующих сочетались с мягкими в отношении «верных». Однако, с весны 1736 г. массовым явлением становится выжигание башкирских деревень. Счет их шел на

десятки, а затем на сотни. С.Соловьев писал: «по рекам Белой, Уршаку, Кегушу, Тору, Селеуку, где было самое воровское гнездо, сожжено около 200 деревень, в которых было около 4000 дворов».¹⁵⁴ В числе прочих уничтоженных деревень была д.Сеянтусы, сожженная вместе с жителями – стариками, женщинами, детьми.¹⁵⁵ Ответственность за содеянное полностью ложится на Кирилова, командовавшего рейдом. В ходе его было убито до 700 башкир, а по завершении экспедиции казнено еще 158 человек. Вряд ли кто всерьез разбирался, мятежные башкиры или нет. Кирилов явно проводил, что называется, «зачистку» территории.

Захваченные в плен башкиры попадали под следствие, которое определяло их причастность к «бунту». Активных участников казнили, здоровую молодежь отправляли на службу: в матросы или остзейские полки. Потерявших кормильцев женщин и детей раздавали в крепостные «служилым людям» с условием увоза в Россию.¹⁵⁶

Кирилов, в свойственной ему манере, доносил только об успехах: «По сему началу несомненная надежда есть, что сии плуты в совершенное подданство приведены будут».¹⁵⁷ Однако, «плуты» не собирались сдаваться – началась новая волна выступлений.¹⁵⁸ В очередной раз Кирилов оказался не прав.

К марту 1737 г. в Башкирии находилось 9900 регулярных и 7700 нерегулярных служилых людей. Правительственные войска, подавляя очаги башкирского восстания, одновременно вели строительство новых полевых укреплений.

В изменившихся условиях произошел пересмотр стратегии строительства укреплений на юго-востоке. Практически все заинтересованные лица высказывались в том смысле, что линии устарели, и выполнять свои функции не могут. И не мудрено: возводить строение типа китайской стены было не по карману, а крепости и редуты легко можно обойти. Теперь строить стали иначе – возводя не сплошные линии, но опорные пункты, между которыми передвигались мобильные отряды. Видимо стратегически важные точки и «освободились» от башкирских поселений; по логике: строить можно на «свободной» земле, землю можно отбирать только у мятежников – значит, в нужном месте неизбежно должны оказаться «мятежники». Собственно это и творил Кирилов.

В 1736 г. закладываются Нагайбакская, Углы-Карагайская, Чебаркульская, Еткульская, Миасская и Челябинская крепости. С их строительством появилась возможность создания целой системы крепостей.¹⁵⁹

¹⁵⁴ Там же. - С.595.

¹⁵⁵ Кульшарипов М. Сеянтусская трагедия (к 250-летию сожжения деревни Сеянтусы царскими карателями в ходе подавления башкирского восстания 1735-1740 гг.) // Ватандаш. – 1997. - №5. – С.126-129.

¹⁵⁶ Оправдания жестокостям, творимым тогда российскими войсками, не нужны, как, впрочем, не нужны и попытки усугубить таковые. В своем стремлении показать поярче жестокость русских Р.Зинуров порой нарушает неписанные традиции научной этики. Так, он сообщает, что захваченные в плен в 1736 г. женщины и дети «были розданы на утеху солдатам». Факт приводился со ссылкой на работу А.Донелли. [Башкирские восстания... - С.257-258.] Утверждение более чем обязывающее – как юрист, Р.Зинуров безусловно понимает, что именно он инкриминирует. Вообще, Донелли не источник. Но проблема не только в этом. У А.Донелли говорится только об отправке женщин и детей повстанцев «в Россию крепостными». [С.143.] Следовательно, мы имеем дело с извращенной фантазией автора. Кстати, солдаты крепостными не владели.

¹⁵⁷ Соловьев С. История... - Т.Х. – С.595.

¹⁵⁸ Признаемся, что этот ехидный удачный оборот нами взят у С.М.Соловьева.

¹⁵⁹ Ряд авторов вновь повторяет версию о скором строительстве – так, Н.Аполлова писала, что «в верховьях р.Уфы в марте и апреле 1736 г. ...были построены два городка» [Там же. - С.105.] Городок менее, чем за месяц? На снегу и промерзлой земле? И в другом месте: «из «Табели», представленной Кириловым в Кабинет 17 октября 1736 г. следует, что в Оренбургском крае к этому времени были

В 1737 г. началось возведение укреплений, составивших в дальнейшем Нижнеяицкую линию - Чернореченской, Бердской, Камыш-Сакмарской и некоторых других полевых крепостей. Кирилов доносил в Сенат, что по состоянию на конец 1736 г. было возведено 21 укрепление. И, как всегда, врал: «ни одного места нет с недостатком к житью человеческому – земля черная, леса, луга, рыбные и звериные ловли довольные, не занимая никакого башкирского житья(!)».

К началу 1737 года восстание башкир ощутило пошло на спад. Каратели не замедлили приписать это исключительно своим заслугам. В чем-то они были правы – истребление тысяч и тысяч не могло не повлиять на ситуацию. И все же главной причиной было то, что восстание исчерпало себя. Башкиры не были способны, не имея достаточно резервов и запасов, вести затяжную войну. Начавшийся голод ощутило подкосил вооруженный протест.

Как нам представляется, в центре не знали всей правды о происходящем. Картина происходящего в Башкирии создавалась на основании рапортов и донесений, поступающих в столицу. Отсылавшие их местные руководители традиционно преуменьшали опасности, замалчивали просчеты, преувеличивали заслуги и результативность своих действий. Так чиновники поступали всегда и нет никаких оснований думать, что именно в эти годы они «вдруг» повели себя иначе. Все местные руководители - Кирилов, Румянцев, Татищев и др. – вряд ли особо любили друг друга, но то, что они находились как бы «в одной лодке», делало их соучастниками – не сговариваясь, они подавали информацию в едином, всех устраивающем, ключе. Это устраивало и центр - в самый разгар восстания Кирилову было предложено прислать еще два полка – он отказался, ссылаясь на достаточность сил, и объяснение было вполне принято.

То же касалось крепостей. Построенные на бумаге, нарисованные на картах, они на деле представляли собой жалкое зрелище. Французский историк Роже Порталь приводит свидетельство 1742 г.: «на громадном пространстве от Каспийского моря до Аральского и от Оренбурга (нынешнего Орска) до Самары не было почти ни одного хорошо укрепленного пункта; самый Оренбург, кроме командирского дома, состоял исключительно из бедных землянок; крепость была окружена плетнем, находившимся наверху земляного вала, и охранялась небольшим гарнизоном».¹⁶⁰

Кирилов активно занимался подавлением «бунта». Если судить по его действиям, вышедшим далеко за рамки указов, он оказался «более католиком, чем сам папа». Фактически нарушая приказы, не повинаясь Румянцеву, он явно стремился доказать, что только он поступает правильно, что примирительный курс Румянцева есть ошибка, а его - «твердой руки» – напротив, единственно верный. Румянцева, как только позволял случай, он чернил в донесениях постоянно – поначалу только делая намеки, а когда Румянцев уехал, то напрямую.¹⁶¹ Командиры Комиссии башкирских дел несколько раз менялись: в конце 1736 г. Румянцев был перемещен на Украину и его место занял бригадир Хрущов, который в начале 1737 г. также был перемещен в Украинскую армию; его заменил генерал-майор Соймонов.

Возникают вопросы – почему не трогали Кирилова? И еще - почему вообще Кирилов принял столь активное участие в подавлении «бунта»? По большому счету никто его особо не заставлял – все строгие меры поручались прежде всего Румянцеву. А вот внимательное ознакомление с пакетом указов 11 февраля, адресованных именно Кирилову, объясняет многое. У Комиссии башкирских дел была одна основная задача –

сооружены крепости (идет перечисление)...» [Там же. - С.106.] Позволим себе не согласиться - из «Табели» следует только то, что они появились на карте.

¹⁶⁰ Порталь Р. Башкирия в XVII-XVIII вв. – Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2000. – С.99.

¹⁶¹ Добросмыслов А. Ук. соч. - С.90.

успокоение края. У комиссии Кирилова - задача организационного плана, связанная с дальнейшей реализацией освоения. Усмирение же касалось Кирилова только в том случае, если это было необходимо для главного. Однако заниматься созиданием Кирилов явно не рвался – как уже говорилось выше, по причине осознания авантюристичности собственного плана. Вероятно поэтому он с таким пылом отдался делу усмирения – башкирский бунт стал для него своеобразным алиби, объяснявшим пассивность и малоуспешность действий. Занятость в подавлении списывала все.

А поручалось в феврале 1736 г. Кирилову немало. Даже забавно – теперь ему предписывалось делать то, что не так давно он сам активно предлагал, но теперь делать совершенно не хотел. Легенда о доступном и богатом Востоке, внедренная в умы руководителей страны, неожиданно обратилась против своего автора.

С завидным постоянством Кирилов сообщал только об успехах – если верить его донесениям, то он даже в Оренбурге уже начал строительство серебряного завода. Стоило ему заложить Табынскую крепость (июль 1736 г.), как он тут же отрапортовал о начале устройства там медеплавильного завода с девятью печами – заранее определяя и гарантируя его мощность - от 10 до 15 тыс. пудов.

Кирилов старался погасить малейшие сомнения, которые могли возникать в столице относительно успешности его деятельности. Так, указом императрицы от 11 февраля 1736 г. строительство крепости на Аральском море было решено «оставить, пока Оренбург офундуется». Однако Кирилов настойчиво повторял о своем намерении «на Аральском море российский флаг объявить» – теперь он даже обещал осуществить это своими силами – «работников с государства не требовать».¹⁶² Осенью 1736 г. уже упомянутый английский капитан Эльтон готовился к поездке для съемок Арала – значит, от идеи своей Кирилов отказываться все еще не хотел...

О том же, что Кирилову было неприятно, он старался вообще не говорить. В этот период казахи начинают совершать набеги – теперь уже «на своих»: в 1734 г. на Сакмарский городок, в 1736 г. – на яицких казаков и калмыков, в 1737-м разграбили караваны. Кирилов с ними ничего не мог сделать – а потому приказы из столицы на этот счет он просто игнорировал, отмалчиваясь или же отговариваясь неопределенно занятостью.

Впрочем, проигнорировать приказ «на будущее лето отпустить караваны в Хиву и в Бухарию и в Ташкент» с приданием к таковым разведчиков, он никак не мог. Вот почему в начале 1737 г. в Самаре стал собираться первый торговый караван, направляемый в Ташкент. Зная реальную ситуацию, можно было спрогнозировать ему скорую и полную гибель в степях. Но караванщикам повезло - караван этот к месту назначения не вышел¹⁶³ - 14 апреля 1737 г. статский советник И.К.Кирилов внезапно скончался.¹⁶⁴

Почему же Кирилов вдруг стал столь неактивен? Как таковая экспедиция завершилась с основанием города, и потому на повестке дня естественно и остро стоял вопрос обустройства вновь присоединенных территорий. Но присоединенных ли? – если в столице верили или делали вид, что верили победным реляциям Кирилова, то на месте все было более чем очевидно. Показательно, что сам Кирилов больше в Оренбург не совался, предпочитая находится в Самаре – уж кто-кто, а он получше многих знал, насколько губительно и необжито было избранное им место. Так он и коротал время – более изучая материалы, захваченные им из архива Сената, практически устранившись

¹⁶² Соловьев, С.597.

¹⁶³ На тот случай, если кто утверждению не поверит: некоторое время спустя Татищев отправил-таки первый караван в Ташкент по руководством поручика Миллера – караван не дошел.

¹⁶⁴ В.Вернадский ошибочно писал, что умер он в основанном им Оренбурге. Увы, романтично, но не соответствовало действительности. В Оренбурге он предоставил возможность умирать другим.

от повседневных дел. Естественно, упущенные им бразды скоро подобрали другие – многие проворачивали свои дела, прикрываясь именем Кирилова, немало было злоупотреблений. Указание императрицы о правильном ведении бухгалтерии Кирилов также не исполнил – совершенно путанную финансовую картину вскрыла проверка, проведенная его преемником. Татищев по прибытии сразу обнаружил недосдачу. Как он доносил позднее, что «денег при комиссии ничего нет, и солдаты без жалования целый год претерпевают крайнюю нужду».¹⁶⁵ О том, что экспедиция окупится, поначалу сомнений не было, и потому средства вкладывали немалые. Есть любопытный документ - указ Коллегии иностранных дел о расходах по присоединению киргизских степей: в 1730 г. – 319 руб. 98 коп.; в 1731 г. – 3584 руб. 11 коп.; в 1732-м – 44 руб. 17 ½ коп., а также «500 червонных»; в 1733 – 3012 руб. 67 ¼ коп.; в 1734 – 4364 руб. 5½ коп. Собственно на экспедицию специальным указом Сената от 8 августа 1734 г. выделялось 16 575 руб. 41 коп.¹⁶⁶ Если суммировать их, прибавить единовременные выплаты Кирилову и Тевкелеву, то казна только за четыре года потеряла огромную сумму 31 900 руб. 85 коп. (+500 червонных). Аппарат экспедиции (а затем комиссии) имел тенденцию к разбуханию – в 1737 г. в штате было 320 чел.¹⁶⁷ На протяжении нескольких лет напрасно получали деньги без дела сидевшие строители кораблей – от последнего галерного мастера избавился уже Татищев, отослав его в Воронеж в декабре 1737 г.

Кирилов вообще не следил за расходами – когда он умер, за ним оставалось 20 тыс. руб. долга.¹⁶⁸ Интересно, как можно было наделать *такое* количество долгов? Припомним еще раз – до экспедиции за ним была только одна тысяча. Многие авторы, заступаясь, высказываются в том смысле, что Кирилов-де не был корыстен – просто «воспринимал действительность в радужных тонах», «корысти не искал и не очень считал казенные деньги» (А.Кузьмин).¹⁶⁹ Действительно, семья не обогатилась - но это только означает, что из-за его ротозейства деньги получили другие.¹⁷⁰ Руководитель неизбежно должен был бы ответить за растроченные средства.

Когда Кирилов осознал, что амбициозным планам его осуществиться не дано, он фактически опустил руки: исправить содеянное не представлялось возможным, точно так же, как вернуться назад, в столицу. Оставалось одно - отсиживаться в стороне, самоустранившись, и время от времени сообщать в Петербург дежурное заявление, что все-де идет благополучно, по возможности оттягивая момент, когда там узнают реальное положение дел и его неизбежно вызовут для дачи объяснений. Смерть от чахотки, настигшая Кирилова, была для него в какой-то степени спасением.

¹⁶⁵ Соловьев С. История... С.606.

¹⁶⁶ Материалы - Т.1. - С.229.

¹⁶⁷ Напомним – первоначально в Экспедиции было 130 чел. Несколько забегая вперед, отметим справедливости ради, что тенденция, совершенно по-русски, сохранилась. Численность канцелярии комиссии на середину 1741 г. уже составляла 726 чел.

¹⁶⁸ Кузьмин А. Ук. соч. - С.242.

¹⁶⁹ Там же. - С.241,242.

¹⁷⁰ Кстати напомним - бухгалтером, фактически отвечавшим за финансовые документы, был П.Рычков. Вопрос: вот эта путаница с деньгами – умысел или непрофессионализм будущего «Колумба Оренбургского края»? Биограф Рычкова Ф.Мильков (1953), судя по всему, почувствовал уязвимость этого момента и постарался упредить, заявив: «Бухгалтерией ему почти не пришлось заниматься». [Ук. соч. - С.16.] А далее приводились слова самого Рычкова, писавшего «употребляем я был всегда (кроме одного первого года) и почти безотлучно к нужнейшим воинским делам. Они [руководители экспедиции – Д.С.]по тогдашним башкирским безпокойствам, о том, как бы счетные книги по регуле бухгалтерской установить, почти и думать уже перестали, но усмотря, что я в таких строгих случаях, к управлению канцелярских дел других был пособнее, все канцелярское правление на меня одного положили». [Там же. - С.16-17.] И так, через год бухгалтерия была заброшена полностью.

Но и она уже не могла остановить раскрученный маховик – поставленные перед Оренбургской комиссией задачи означали в первую очередь то, что власти ставили теперь на повестку дня благоустройство «новой России».

Оценим итоги деятельности Ивана Кирилова. Так, среди его достижений исследователи называют: создание первого систематического описания России, опубликование первого атласа, многолетнее руководство картографическими работами, организацию экспедиции.¹⁷¹ Кое о чем из этого списка мы уже говорили ранее.

После поставленного Пушкиным вопроса о гении и злодействе, как-то уже неловко повторяться. И все же – попробуем ответить на вопрос: что сделал Кирилов для страны и науки? Будем справедливы – Кирилов, безусловно, одна из страниц в истории географии. Его труды – источник, точно такой же, как любой иной. Мы обязаны уделять внимание им без различия, ценные это работы, или нет. Но поставим вопрос прямо – планы планами, мечты мечтами (в конце концов, все мы грешим великими замыслами) – что удалось ему сделать на самом деле?¹⁷²

Построен Оренбург. Но построен ли? Начнем с того, что крепость возведена так и не была – военное присутствие России оказалось блефом. Создав на окраине вновь приобретаемых казахских земель нечто среднее между поселком и крепостицей, Россия тем самым четко показала всем, прежде всего тем же казахам, свою реальную силу и возможности. Крепкий оплот был бы демонстрацией силы, точно так же, как это – демонстрацией слабости. И нет ничего удивительного в том, что вскоре казахи (и Абулхайр) начинают вести себя достаточно неуважительно, агрессивно, не союзнически: слабого не боятся.

Город был заложен непродуманно – ранее мы приводили слова Кирилова о превосходных природных условиях и возможностях в районе Ори. Нужно сказать прямо – он лгал. Трудностей оказалось более чем достаточно. Весьма проблемным стало снабжение хлебом. В условиях башкирского восстания вероятность гибели посылаемых в Оренбург провиантских обозов и, следовательно, голодной смерти гарнизона была достаточно велика. Купечество же, которое по замыслу, должно было устремиться в Оренбург, отнюдь не торопилось рисковать всем, проходя через охваченные восстанием районы. Даже просто удобную дорогу из Уфы через Губерлинские горы обнаружили только в 1740 г.¹⁷³ Сообщение с Самарой на зимний период прерывалось вообще. Весной город заливало, на песчаной земле сеять хлеб было затруднительно, практически не было леса. П.Рычков, весьма расположенный к Кирилову, все же признавал, что город построен был «в такой отдаленности и пустом

¹⁷¹ Несколько заявлений такого рода: сыграл важную роль «в изучении Башкирии и Южного Урала, где он построил первые русские города и заводы» (Л.Июфа (1957))¹⁷¹; «был заложен г.Оренбург (на месте современного Орска) и положено начало присоединения Казахстана к России. Оренбургская экспедиция Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. - Челябинск: Челябинск. гос. ун-т, 1999. – 450 с. принесла много ценных географических и картографических сведений о новом обширном крае» (Д.Лебедев (1962)). [Ук. соч. - С.319.] Между прочим, В.Вернадский еще в начале XX в., касаясь картографического обеспечения Южного Урала, писал: «Еще в XIX в. эти степи были научно и географически неведомы - еще больше это было на 100 лет раньше, когда впервые в них проникли русские».

¹⁷² Отметим совершенно оригинальную позицию Л.Июфы (1949) однозначно утверждавшего, что все (!) политические и экономические прогнозы Кирилова «сбылись с редкой точностью». [Июфа Л. Современники... – С.33.] Столь же убежденно высказались А.Абрамовский и В.Кобзов (1999): «Кириллов и его преемники сумели выполнить все им намеченное в «Изъяснениях...» [Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. - Челябинск: Челябинск. гос. ун-т, 1999. – С.32.] Но при этом факт установления «тесных торговых связей» со среднеазиатскими государствами доказывался показателями Троицкой таможни за ... 1867 год!

¹⁷³ Иофа Л. Ук. соч. - С.152.

месте, что все нужное к жительству получить туда принужденно с великим трудом и дороговизною».¹⁷⁴

Итак, города, возведение которого многие авторы полагают едва ли не центральной частью замысла, фактически нет. Соответственно, нет обещанной оживленной торговли. Нет обещанных богатств Индии и Афганистана.

Зато есть ожесточенное восстание башкир. Есть значительные расходы и огромные людские потери. Есть разочарование казахов. Авантюра завершилась так, как и должна была завершиться – провалом. И вину за это, безусловно, следует возлагать на Кирилова.

В недавно вышедшей книге историк Ю.Смирнов заключал, что по-настоящему заслуги Кирилова признали через полвека. В качестве подтверждения, он приводил слова Шувалова, сказанные им в 1761 году: Кирилов «оказал отечеству знатную услугу: доказательством служат те плоды, которые получают от Оренбурга и его губернии».¹⁷⁵ Нам представляется, что все эти «доказательства» были более результатом трудов тех, кто сменил Кирилова на его посту, нежели его самого.

¹⁷⁴ Рычков П. История оренбургская... - С.31.

¹⁷⁵ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. – Самара: изд-во «Самарский университет», 1997. – С.58.

Глава 4. Второй начальник Оренбургской комиссии (В.Н.Татищев).

Судя по всему, большого количества желающих занять освободившийся пост и возглавить комиссию не было – назначение на этот пост тайного советника В.Н.Татищева, бывшего до этого начальником горных заводов, более чем показательное. Нам кажется весьма правильным суждение А.Г.Кузьмина, биографа В.Татищева, полагавшего, что назначение его на эту должность было наказанием, мстью за конфликт с всеильным Бироном и его окружением. Мсть была достаточно элегантно – его повысили в чине, номинально главенство на заводах за ним было сохранено, но, конечно же, Татищев фактически был отстранен от горных дел.¹⁷⁶ Назначение на пост руководителя комиссии человека, едва ли не самого критически настроенного против таковой и деятельности Кирилова вообще, выглядело явной насмешкой. Татищев с самого начала не одобрял всей этой авантюры. Думается, те, кто поначалу оказал Кирилову поддержку, к этому времени уже смогли собрать нужную информацию и получить представление о том, что на деле представляет собой широко разрекламированная им «новая Россия» (которая, кстати, была «старой Башкирией»). Вероятнее всего, Бирон это узнал. В самом деле, если бы наверху по-прежнему безусловно верили в те громадные барыши, которые обещал Кирилов, то назначение на его место должно было бы быть наградой, но никак не наказанием, как в данном случае.

Тевкелев был явно недоволен; судя по всему, он всерьез рассчитывал на то, что пост достанется ему - по большому счету это было бы очень правильное решение, поскольку лучше Тевкелева ситуацию не знал никто. Но - новым начальником сделали В.Н.Татищева. Впрочем, и он не скрывал своего отношения к Тевкелеву, полагая его соучастником аферы. Так, в письме к кабинет-секретарю П.А.Черкасову он писал: «в 1837 году перевели меня в Оренбургскую комиссию, которую, как видно, по обману Тевкелева и Кирилова для чаемого великого прибытка, начали. Я-же, прибыв, усмотрел, что оное вымышлено более для собственной, нежели для казенной пользы, стал истину доносить и те обманы обличать, которым онаго бывшего герцога и Остермана наипаче озлобил за сие».¹⁷⁷ В другом месте, в «Лексиконе», он еще более жестко высказывался о Кирилове: «сенатский секретарь от безпутных предприятий впал в великие долги и, не зная, чем оплатить, по совету с переводчиком Тевкелевым», представили проект об организации такого же «искания золота» в Башкирии и, получив разрешение, начали поиски, «с великим вредом производя обман».¹⁷⁸

¹⁷⁶ Кузьмин А. Татищев. - С.238.

¹⁷⁷ Пекарский П.П. Новые известия о В.Н.Татищеве. – Спб., 1864. – С.37-38.

¹⁷⁸ Цит. по: Новлянская М. Ук. соч. - С.131.

Похоже суждение Татищева более чем справедливо¹⁷⁹ – Тевкелев наверняка был соучастником создания легенды. Без его поддержки Кирилов бы не смог сделать многого.

Назначение произошло указом императрицы 10 мая 1737 г. Татищев отправился на новое место службы, будучи больным, на носилках. 6 августа он прибыл в Комиссию. До его прибытия всеми делами временно заведовали П.С.Бахметьев¹⁸⁰, астраханский вице-губернатор генерал-майор Л.Соймонов и Тевкелев. Перед новым начальником была поставлена нелегкая задача – реализовать в принципе нереализуемый план. Кирилов своей смертью стал недостижим до возмездия за ошибки и просчеты – и расхлебывать предстояло иным.

Татищев имел свое собственное и более правильное видение предмета. Его проект усиления русского присутствия в Башкирии был, конечно же, также вреден для башкир – через заведение там новых и новых заводов. Но при этом он был более приближен к реальности и потому более жизнеспособен. Иначе смотрел Татищев на карательные меры. Однако реализовать свои взгляды Татищев никак не мог, поскольку изначально руки у него фактически были связаны. Именной указ требовал строго следовать инструкциям, данным Кирилову, всем инициативам последнего – всему, что «предложено и зачато было», при том, чтобы «никакого упущения не происходило».¹⁸¹ Уместно упомянуть, что на Татищева повесили даже кириловскую затею с изданием карт.

И все же Татищев, несмотря на крайне сложные условия, попытался действовать и по возможности исправить что-нибудь. Работа им велась по нескольким направлениям: организация управления комиссией, подавление башкирского восстания, нормализация отношений с казаками, строительство Оренбурга.

Татищев попытался реорганизовать управление комиссией, дабы не оказаться единственным отвечающим за все – он предложил создать коллегиальный орган управления – т.н. генеральный совет: Тевкелев, уфимский воевода Шемякин, астраханский вице-губернатор Л.Соймонов и штаб-офицеры. Тогда же он констатировал отсутствие нормального делопроизводства: «канцелярского порядка, как устав повелевает, учинено не было; протокола и журнала порядочно не содержано; списков служителям с их окладами не учинено...Счета весьма неправильны, потому что приход и расход был в разных пуках и весьма беспорядочен, через что учинились проронки; окладных книг учинено не было, давано жалование все по выпискам, а от того учинены передачи. В подряде провианта и провоза великие передачи – из корысти или дерзости, - неизвестно».¹⁸²

Совершенно верно Татищев заключал, что новая волна башкирского восстания весной 1737 г. началась в немалой степени по причине недостаточности управленческого аппарата. Не велось никакого учета населения, сбор ясака поручен был старшинам, статистические данные были более чем условны, налицо явные

¹⁷⁹ Есть и иная точка зрения – так, М.Новлянская заключала: «История организации Оренбургской экспедиции, изложенная выше, равно как жизнь и деятельность И.К.Кирилова, человека исключительной добросовестности и честности, могут служить убедительным опровержением этого ни на чем не основанного, несправедливого обвинения Татищева, вызванного, по-видимому, его личной неприязнью к Кирилову». [Новлянская М. Ук. соч. - С.131.]

¹⁸⁰ Тесть Кирилова – флотский поручик, по представлению Кирилова произведенный в 1737 г. в подполковники.

¹⁸¹ Рычков П. История... - С.29.

¹⁸² Цит. по: А.Добросмыслов. Тургайская область. - С.22-23. (Он, в свою очередь взял у С.Соловьева). И так, бухгалтерия была явно не в порядке – кстати, еще раз напомним, что бухгалтером экспедиции был П.Рычков.

злоупотребления. Тактика подавления до этого сводилась к объездам территории в тщетной надежде поймать мятежников врасплох: неудивительно, что под карающий меч попадали не столько те, кто виноват, сколько те, кто подвернулся.

При новом начальнике попытка диалога все же имела место. С одной стороны, Татищев был готов к мирным решениям – он принимал жалобы со стороны башкир, шел на некоторые уступки. С другой – определенная часть башкирского общества также была согласна замирился; замирился на определенных условиях – прежде всего, соблюдении прежних башкирских привилегий. 9 января 1738 г. у Татищева была беседа с башкирскими старшинами на эту тему – и он наотрез отказался говорить об особых правах башкир в составе российского государства.¹⁸³ Данный факт кажется нам весьма показательным. Ни о каких особых правах Татищев не знал¹⁸⁴ и башкирское восстание он явно воспринимал как мятеж на окраине России, при том, что для него вопрос о действительной принадлежности Башкирии к России не стоял в принципе.

Между тем, новый виток русско-башкирского противостояния усиливается за счет вмешательства казахов. Абулхайр, несомненно видя слабость русских, начинает свою большую игру. В конце 1737 г. он предлагает свои услуги для подавления башкирских волнений – и получает таким образом разрешение на военное вторжение туда. Массовые грабежи и бесчинства союзника вызывают возмущение даже у Тевкелева, который уже в декабре пытается добиться разрешения на удаление хана. Избавились от него дипломатично – переводчик А.Бахметьев прибыл к хану с подарками и объявил ему с благодарностью, что башкиры усмирены и потому его услуги более не нужны. Кстати, пока часть казахов жуза бесчинствовала в Башкирии, другая также успешно грабила калмыков и русских.¹⁸⁵ В начале 1738 г. происходит новый поворот в событиях – часть башкир обращается к Абулхайру с предложением стать их ханом. Последний соглашается и в конце апреля появляется под Оренбургом (на первоначальном месте) с отрядом. Случившаяся здесь стычка его с майором Останковым – когда на требование последнего прекратить отношения с бунтовщиками, Абулхайр вынул саблю и заявил: «Город мой и для меня устроен, а кто не послушает, тому голову отрублю»¹⁸⁶ – очень показательна. Сил у Татищева на борьбу с казаками не было – и хан это видел. Пытаясь удержать башкир, Татищев отдал приказ майору Останкову арестовать башкирских старшин, и одновременно, сообщил хану, что арест произведен майором самовольно и тот будет наказан. И хотя Татищев писал императрице, что поступил так исключительно потому, чтобы «других их султанов и ханов жестокостью не отстрашать», фактически все было сделано опять же от слабости. Тем обиднее было начальнику комиссии получить резкое письмо от императрицы, где «с великим удивлением и неудовольствием» ему выговаривалось за все: за новые «замешания» башкирцев, и за то, что «и хан Абулхайр с ними соединился, и имеют злое намерение атаковать Оренбург».¹⁸⁷ «Мы оную крепость отнюдь потерять не хотим» – давалось четкое указание.

Татищев поспешно организует встречу с ханом в Оренбурге – место, конечно, весьма жалкое, но другого просто нет.¹⁸⁸ 15-го июля он сам прибывает в Оренбург, а затем почти две недели разными путями заманивает туда Абулхайра, видимо, обоснованно ожидавшего кары. Однако уговоры подействовали, и 1 августа он приехал тоже. 3 августа Абулхайр торжественно принес присягу. Прием этот был достаточно

¹⁸³ Кузьмин А.Г. Ук. соч. - С.246.

¹⁸⁴ Если кому-либо тезис кажется неубедительным – встречный вопрос: а откуда он мог об этом знать?

¹⁸⁵ Добросмыслов А. Ук. соч. – С.24.

¹⁸⁶ Добросмыслов А. Ук. соч. – С.25.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Речь идет о поселении на месте современного Орска.

хитрым изобретением - повторность таковой означала своеобразное забвение прежних грехов. На следующий день присягали его старший сын Нурали и старшины жузов. После этого хан прожил в Оренбурге месяц. За это время были разработаны новые обязательства, которые принимал на себя Абулхайр. Заметим, что теперь они были значительно меньше, нежели ранее: только возратить всех русских пленных и охранять караваны, идущие через казахские степи. Одновременно шла активная раздача подарков. П.Рычков упоминал, что только 28 августа было роздано хану, султанам, батырам, старшинам и народу подарков на 2000 руб.¹⁸⁹ Позднее Татищев писал в Петербург: «Сей народ столько глуп, что без стыда просят и за столом наставленные конфеты, собирая в платки вяжут, а тарелки, ложки, ножи серебряные класть пред ними нельзя, и хотя некоторые из знатных тут их бранят, но мало помогает; да и хан, которому я быков, баранов круп и прочего посылал, не постыдился все это прислать продавать и у меня опять просить, и я принужден вареное и жареное мясо ежедневно посылать».¹⁹⁰ 31 августа Татищев убыл обратно в Самару.

Можно только предполагать, какие чувства посетили нового начальника комиссии, когда он первый раз приехал в столь нахваливаемый его предшественником Оренбург. «Окно в Азию» оказалось откровенной дырой. Города фактически не существовало – землянки, скудные деревянные строения, грязь... Нечего сказать – прекрасная иллюстрация российской мощи. Татищев писал кабинет-министрам, что крепость «оплетена была хворостом и ров полтора аршина ширины, а сажень на 50 и рва не было, так что зимою волки в городе лошадей поедали».¹⁹¹ Все, что он смог сделать – выкопать ров 5 аршин ширины, 3 глубины и обложить вал снаружи дерном. Тогда же он констатировал, что инженерные офицеры, вроде бы обязанные заниматься строительством, «в практике искусства и рассуждения не имеют».

Он и раньше не доверял выбору Кирилова – случайность выбора последним этого места не могла оставаться тайной для окружающих. Еще по дороге в Оренбург Татищев осмотрел урочище Красная гора, где уже находилось небольшое казачье поселение, и дал указание снять план местности. Теперь же, убедившись на месте в совершеннейшей неудачности выбора места под город, Татищев решил найти новое. То, что город Оренбург почти не строился, оказалось в определенном смысле удачей – это позволяло перенести его на новое место почти безболезненно. Для поисков нового места была отправлена специальная команда инженер-майора Ратиславского. Новое место выбиралось по принципу исправления тех недостатков, которые были на первоначальном: наличие леса, камня, воды. В итоге остановились на урочище Красная гора. Кроме прочих доводов сыграло свою роль и то, что земли там были фактически незанятыми: как писал В.Татищев, «башкирцы ж, хотя и присваивают их себе, но почти никто ими не владеет». Обратившись в Сенат, он сумел доказать целесообразность переноса крепости на новое место.

Некоторые споры возникли из-за выбора конкретного места: инженер-майор Ратиславский полагал необходимым возводить крепость на косогоре, а Эльтон -

¹⁸⁹ Рычков П. Ук. соч. – С.39. Вряд ли все ограничивалось одним днем.

¹⁹⁰ Добросмыслов А. Ук. соч. - С.28. (ссылка на С.Соловьева). И хотя оба автора видели в этом прежде всего курьез – этакое проявление дикости и проч. – нам кажется, что это была своеобразная проверка русских на благополучие; тест на надежность. «Хан, повидимому, великое усердие и покорность имеет» - доносил тогда же Татищев. Знание того, что происходило далее, позволяет усомниться в «верности» хана; но тогда он, скорее всего, талантливо играл роль.

¹⁹¹ Соловьев С. История России... - Т.Х. – М., 1963. – С.606. Хочется еще раз спросить тех, кто убежденно утверждал и утверждает, что крепость была возведена почти сразу – как тезис состыковывается со свидетельством Рычкова?

строить у подножия горы.¹⁹² Татищев выбрал третье - «особливое место ровное».¹⁹³

План Татищева был утвержден в августе. Но ему не довелось присутствовать при закладке – к строительным работам на урочище смогли приступить только в августе 1741 года; к тому времени его уже отозвали.

Татищев неоднократно пытался добиться разрешения приехать в столицу – вероятнее всего, он рассчитывал на шанс убедить власть предрежащих в необходимости перемен. В январе 1739 г. разрешение на приезд было, наконец, получено. Однако, на деле оно обернулось вызовом на расследование поступивших доносов. Оказалось, что Татищева подсиживали, и очень основательно – кто? вероятнее всего, те, кому его назначение было невыгодно. Одним из самых активных был Тевкелев, чьи мотивы были более чем очевидны. Были и иные – те, кто при новом начальнике лишились возможностей, которыми пользовались при безвластии Кирилова. В стране, где взятки и иные возможности обогащения от должности были едва ли не обязательной составляющей чиновничьей жизни, «белых ворон» среди руководителей быть не могло в принципе. Интересно другое – то, что, молчаливо мирясь со злоупотреблениями, власти, при необходимости, использовали компромат против неудобных. Так произошло с Татищевым. Конечно же, он пользовался своим положением, но все же не настолько, чтобы полагать его исключительным мздоимцем.¹⁹⁴ Его отдают под следствие, но при смене власти – уже при Анне Леопольдовне - следствие «приказано прекратить» (это ли не доказательство заказанности процесса?) Освобожденный в августе, в декабре он назначается астраханским губернатором. В 1745 году, уже при Елизавете, он вновь попал под кампанию борьбы с взяточничеством¹⁹⁵, но незадолго до смерти в 1750 г., был признан невинным.¹⁹⁶

До назначения нового начальника, временное управление краем было поручено подполковнику Аксакову, лейтенанту князю Белосельскому и премьер-майору Останкову.

¹⁹² Конечно, не совсем понятно, почему британский морской офицер (для возражающих – предположим, астроном) всерьез давал советы о возведении крепостей в степи, и почему к нему вообще прислушивались.

¹⁹³ Рычков П. Ук. соч. - С.35.

¹⁹⁴ Так, Р.Игнатъев писал: «Он был лихоимец, взяточник, управление краем ознаменовал казнокрадством. Брал Татищев везде и всюду, со всех и всякого, где только можно было взять». [Цит. по: Добросмыслов А. Тургайская область. - С.22, сноски.] Подобного рода заявление следовало бы доказать – но об этом Руф Игнатъев молчал. Но зато как обличительно сказано!

¹⁹⁵ Тогда он обвинялся в том, что «не делал часто различия между деньгами казенными и своими и допускал злоупотребления и за рубли, и за башкирских иноходцев, даже за овчики и волчьи меха». [Добросмыслов А. Ук. соч. – С.31.] Какое трогательное торжество справедливости – припомнили овчины спустя шесть лет!

¹⁹⁶ Витевский В. Ук. соч. - С.163.

Глава 5. Контр-адмирал в оренбургских степях (В.Урусов).

17 июня 1739 г. новым – третьим по счету – начальником Оренбургской комиссии был назначен генерал-лейтенант князь Василий Алексеевич Урусов. Чем руководствовались в Петербурге, назначая на этот пост именно его, объяснить трудно. Знакомство, даже поверхностное, с биографией князя, вызывает более недоуменные вопросы. Урусов в свое время по приказу Петра I изучал морское дело за границей, одиннадцать лет плывал на Каспии, затем на Балтике, с 1732 года - советник адмиралтейств-коллегии в контр-адмиральском чине, заведовал морской академией и морскими школами. Зачем настоящего моряка послали в степные края – ответа нет. Конечно, можно предположить, что определенное влияние оказало происхождение его – из владетелей ногайских. Но можно предположить и иное. В этом назначении нам виден только один плюс - Урусов был совершенно далек от проблем экспедиции, не знал всего с нею связанного, всех трудностей, ошибок и прочего. Думается, осведомленный человек всеми силами постарался бы увильнуть от этого сомнительного предложения. Кроме того, как отмечали современники, он был весьма жёсток.¹⁹⁷ Подобное качество было полезно для окончательного усмирения края.

Как старый солдат, Урусов не рассуждал – существование Оренбурга, строительство крепостей, необходимость подавления башкир были для него реально поставленными задачами. Он не знал, и, допуская, не хотел знать об ошибках предшественников. С самого начала Урусов получил указ от 20.8.1739 г., представлявший собой заданную программу действий: строить город Оренбург на новом месте – на Красной горе; переименовать прежний Оренбург в Орскую крепость; сооружать крепости вдоль Яика и Самары там, где для этого есть условия, с целью создания укрепленной линии; прекратить строительство Закамской линии и обеспечить переброску оттуда ландмилицийских полков на Оренбургскую линию, содействовать развитию торговли в Оренбурге, предотвращать незаконную миграцию внутрь края и содействовать улучшению отношений с казахами: султанов Средней орды привести к присяге, оставив в аманатах надежных людей. Задачи были определены – и их следовало исполнять.

17 августа Урусов прибыл в Самару. Несколько осмотревшись, он попытался посетить новое место для Оренбурга. Выступив туда в первых числах сентября, он

¹⁹⁷ В.Витевский объяснял назначение так: «умный, энергичный, но жестокий, не любивший никому давать пощады». [Ук. соч. - С.164.] Далее он упоминал, что Урусов стремился вбить в башкир «потомственный страх» [Там же. - С.169.]

вскоре повернул назад «за противною погодою». Вновь туда Урусов отправился почти через год - 13 мая 1740 г. - и, наконец, достиг урочища 25 июля. Все ограничилось богослужением и пальбой, а также выкапыванием рва в несколько саженей.¹⁹⁸

Борьба с «мятежными» башкирами вылилась в подавление новой волны неповиновения, более известной в истории как «восстание Карасакала» (Черной Бороды).¹⁹⁹ Урусов действительно проявил себя: он активно привлекал т.н. верных башкир, использовал суровые меры подавления - меры быстрые и неадекватные. В мае-июле потери русских составили 14 чел., башкир же – 1531 человек, сожжено 122 деревни и 50 дворов. Только 25 августа в шести верстах от Оренбурга была намеренно устроена показательная экзекуция. Пятеро башкир было посажено на колья, одиннадцать повешены за ребра, у 21-го отсечены головы и воткнуты на колья и 85 «просто» повешены. 17 сентября около Сакмарска Урусов произвел еще одну экзекуцию - повешено было 50 человек, у 120-ти отсечены головы, 301 башкир был наказан кнутом, после чего всем им были отрезаны носы и уши. Жены и дети казненных розданы. Значительное количество башкир (Рычков говорит о нескольких сотнях) которым под следствием удалось отговориться, что-де они участвовали в «сообществе» Карасакала «по неволе», были биты кнутом и после урезания носов и ушей «для публичного знака» были отпущены.

Точными данными погибших и пострадавших башкир никто, разумеется, не располагает. Наверное, единственный, кто попытался подвести итог, был П.Рычков. В «Истории оренбургской» он свел в таблицу данные из рапортов и записок. Так, за период 1735-1741 гг. было «искоренено» 16893 чел., сослано в матросы, остзейские полки и на каторгу в Рогервик (отметим – вероятно, по сути, что матросом, что на каторгу – одно) – 236 чел., жен и детей роздано – 9182. При этом абсолютное большинство погибших приходится на время Урусова (10880 чел.). Башкирская Комиссия уничтожила 396 деревень, Оренбургская – 300.²⁰⁰

Ситуацию еще более усугубилась активным вмешательством казахов. До Экспедиции у казахов и башкир было достаточно мирное сосуществование - в том смысле, что имея Яик в качестве естественной границы, разделявшей их кочевья, они особо (во всяком случае, в таких масштабах, как теперь) в дела друг друга не вмешивались. В новых, изменившихся условиях, ослабленные российским военным вторжением, башкиры были уже не в состоянии, как прежде, препятствовать стремлению казахов на север. Здесь уместно напомнить, что тот же Абулхайр затеял

¹⁹⁸ Мы склонны предположить, что правильнее было бы сказать – углублением существующего рва.

¹⁹⁹ Мы не видим необходимости излагать в деталях подробности, прекрасно описанного рядом авторов – поскольку нас в данном случае интересуют не восстания, как таковые, но их влияние на работу т.н. Оренбургской комиссии.

²⁰⁰ Рычков П. История Оренбургская. - С.56. Другой публикации данных, повторимся, нет. Однако, и сегодня предпринимаются попытки увеличить число жертв. В «Истории Башкортостана» говорится, что потери башкир составили в 1735-1740 гг. «по неполным данным» более 40 тысяч человек. И сюда еще не вошли умершие от голода. [Ч.1. С древнейших времен до 1917 г. – Уфа: изд-во Баш. ун-та, 1991. – С. 114.] Что данные Рычкова не точны, признавал и он сам. Общее число «репрессированных» у него составило более 28 тыс. чел. Кто-то приводит иную цифру – хорошо, но не справедливо ли попросить доказательства? Увы, авторы «Истории» источников данных не дают. Американец А.Донелли приводил «рычковские» данные, оговаривая, что «фактически» погибших было значительно больше. Далее он продолжал: «Если допустить, что общее количество башкирского населения...составляло 100000 человек...», то получается, что в результате завоевания погибло около трети башкирского населения. [Башкирские восстания.... С.218.] Вывод более чем серьезный, но – что это за довод – «допустить»? Точных данных о населении не было, а потому почему бы не допустить, что население составляло 150 тысяч? Количество погибших не уменьшится, но это теперь составит «только» пятую часть. Хотя понятно, что громко звучащее «треть» есть более суровый приговор русским. Уместно упомянуть, что Р.Г.Кузеев определял количество башкир в 1725-1726 гг. в 260 тысяч. [История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – С.341.]

все переговоры с Петербургом только ради обеспечения своей Орде, тесной соседями, на новые земли за Яик. Было бы странно, если бы он от своих планов легко отказался – тем более, что теперь ситуация стала более благоприятной. Пока еще зыбко, но уже начала вырисовываться серьезная проблема башкиро-казахского единства, могущая доставить российским администраторам немало головной боли.

Выступление Карасакала не было адресно антирусским. По большому счету его действия были не столько бунт против России, сколько проявлением традиционной казахской вольницы. Так, в 1741 г. Карасакал повел за собой казахов, бывших под присягой России, на разграбление джунгар – получив в ответ карательный поход Галдан Церена и, как следствие, разорение аулов Средней Орды. Джунгары тогда дошли почти до Оренбурга.

Усиление позиций казахов в Башкирии ощутимо проявилось и в ином. Хан Средней Орды Барак направил 12-летнего сына Шигая в качестве претендента на ханство в Башкирии. Абулхайр одновременно попытался протолкнуть кандидатуру своего сына (удержать его смогла только угроза российских властей использовать против него калмыцкое войско). Сам факт возможности появления башкирского хана – каковых башкиры ранее не имели – говорит о многом. И о том, что влияние казахов в Башкирии усилилось, и о том, что определенная часть башкирского общества соглашалась обрести хана из казахов.²⁰¹

От прежнего союзника Абулхайра ничего не осталось. В августе 1740 г. Урусов вел в Оренбурге очень тяжелые переговоры с ханскими детьми – сам Абулхайр на переговоры явиться отказался. Ход с его стороны был весьма неглупый – в то время как русская сторона ставила вопросы о неразграблениях караванов, возврате имущества, ненападении на калмык, сыновья хана, не беря на себя никаких обязательств, ограничились лишь передачей воли отца – по их утверждению, Абулхайр желал построения города на Сыр-Дарье и передачи ему несколько пушек. Переговоры в итоге зашли в тупик; А.Добросмыслов, подробно описывавший их ход, отмечал - ни одно из условий русской стороны так и не было выполнено.²⁰² Абулхайр явно стремился теперь не связывать себя никакими обязательствами. В 1741 г. он, воспользовавшись ситуацией, захватил Хиву, где опять-таки попытался стать ханом, но после того, как в ханство вошли войска персидского шаха, бежал оттуда. Несколько позднее хивинцы избрали на ханство его сына – Нурали – но и он вынужден был уйти под угрозой вторжения персов. Все эти метания убедительно свидетельствуют о том, какова была на деле натура хана Абулхайра – и эксперимент с принятием российского подданства был лишь одним в общем ряду многих авантюр.

22 июля 1741 г. генерал Урусов умер от цинги. Его смерть, помимо прочего, была показателем того, насколько сложно и трудно шло усмирение – в конце концов, если начальник комиссии умер от такой болезни, то что можно говорить о рядовых членах ее. До назначения нового начальника всеми делами комиссии заправлял генерал Соймонов.

Подведем некоторые итоги. Итак, Татищев был вынужден решать вопросы, которые решать не хотел. Очень соблазнительно высказать предположение, что экспедиция (комиссия) была продлена потому, что Татищева хотели наказать. Однако, есть данные, свидетельствующие, что в столице Оренбург (неважно, где находившийся!) и присоединенные башкирские земли к тому времени стали воспринимать, как данность. Совершенно неразумные приказы Коллегии иностранных

²⁰¹ Это, конечно же, рассуждения – но все же: если бы башкиры были все против хана, то не было бы повторяющихся попыток навязать такового.

²⁰² А.Добросмыслов: «были получены... ничего не значащие обещания». [Тургайская область. – С.34.]

дел, требующие от казахов повиновения, есть свидетельство прежде всего того, что в центре не понимали и не стремились понять особенности статуса вновь приобретенных территорий. Срабатывал своеобразный стереотип «московского» мышления – когда во времена Московского государства любая присоединяемая к Москве территория становилась частью таковой, без учета какой-либо местной специфики.

Каждый последующий руководитель комиссии получал ситуацию на определенном уровне, в определенном состоянии и воспринимал ее соответственно. Татищев был изначально убежден в ошибочности начатого мероприятия и все же, став руководителем, он пытался сделать хоть что-то – невозможно поверить, чтобы он не понимал, зачем его переместили на этот пост и какие последствия его ждут в случае неудачи. Даже в этих, заведомо проигрышных условиях, он смог сделать многое – показательно, что хотя к суду его все же привлекли, но не за неисполнение приказов. Урусов уже в принципе не обсуждал вопрос о том, правильно или нет ведется освоение региона – его основная задача заключалась в усмирении неповинующихся императрице подданных. Этой задаче были подчинены все действия и инициативы. Оренбург и сеть крепостей становятся реальным фактом, не подвергаемым обсуждению. Разговор если и может идти, то только о частностях.

Правительство Елизаветы не было отягощено ни грузом информации о том, как в реальности строился Оренбургский край, ни ответственностью за совершенные ошибки и просчеты – там не знали, и, судя по всему, не хотели знать о подробностях. Зато знали точно – согласно донесениям, город основан, крепости строятся, и потому усмиряемый край должен осваиваться и далее. Нам кажется весьма показательным выбор кандидатуры нового начальника комиссии – им стал Иван Неплюев; человек, для которого назначение стало одновременно и наказанием, и шансом на реабилитацию. Но при любом толковании – и в этот раз о добровольной инициативе нет и речи.

Глава 6. Создатель Оренбургской губернии - Иван Неплюев.

Очередной руководитель Оренбургской комиссии - Иван Иванович Неплюев (1693-1773) - принадлежал к тем дворянским сынам, кто получил образование и сделал карьеру благодаря петровским преобразованиям. В числе прочих был направлен на обучение за границу. В 1720 г., по возвращении, держал экзамен перед Петром I, заслужив его похвалу, чем всегда очень гордился. Поначалу служил «смотрителем и командиром над строящимися морскими судами» и переводчиком при царе. В 1721 г. указом Коллегии иностранных дел был назначен резидентом в Константинополе. Вернулся в Россию в 1734 году. В 1737 г. поселился в Киеве «смотреть за делами по заграничной корреспонденции», фактически выполняя функции резидента российской разведки на юге и иные секретные поручения российского двора. В апреле 1740 г. его внезапно отозвали в Петербург и по специальному распоряжению гр.А.Остермана ввели в особую комиссию «для исследования вин и преступлений» кабинет-министра А.П.Волынского. Это событие и сломало его дальнейшую карьеру. Неплюев был достаточно далек от придворных дел, и видимо именно потому его и включили в комиссию следователем. Вообще же приговор был предрешен. По ходатайству того же Остермана Неплюев был пожалован Анной Леопольдовной орденом и поместьями. После дворцового переворота 1741 года и отстранения Остермана Неплюев был арестован и препровожден в Петербург, лишен поместий и орденов. В начале 1742 г. он был прощен – иными словами, обвинить в чем-либо его не удалось. Конечно, это не составляло серьезной проблемы – при необходимости вина бы непременно нашлась, но начинать царствование с декларируемым лозунгом правления по заветам Петра с расправы над «птенцом гнезда Петрова» было крайне неразумно. Но и восстановить утраченный Неплюевым статус было уже невозможно. Что легко можно было вернуть – скажем, ордена – вернули, отнятые (и скорее всего, уже переделенные) материальные ценности – конечно же нет. Невозможно было и восстановить его на прежнем месте службы. Видимо, наверху посчитали, что Неплюев обиделся - а потому доверия к нему более не было. Назначение его командиром Оренбургской комиссии и Киргиз-Кайсацких орд следует признать достаточно остроумным решением. На первый взгляд, это было проявлением огромного доверия. Но только для несведущих. Всеми современниками это было расценено как «замаскированная ссылка».²⁰³ А как иначе? – достаточно вновь обратиться к вехам его служебной карьеры, чтобы увидеть, что Неплюев никогда не имел дела ни с руководством большими административными территориями, ни с массовым строительством, ни с кочевыми народами. Все его знания, опыт тут были малоприменимы. Зато в случае провала обижаться на отставку не приходилось.

Тем не менее, у И.Неплюева была очень важная черта – он был рационально мыслящий исполнитель. И за порученное ему новое дело взялся со всей ответственностью – не щадя ни себя, ни других.

По свидетельству самого И.Неплюева, экспедиция была создана в 1735 г. «для новоподдавшегося киргиз-кайсацкого кочующего между морей Каспийского и Аральского народа и для распространения коммерции, утверждения от того степного народа границы».²⁰⁴ Свидетельство это более чем показательное – именно так он понял свои задачи: развитие коммерции, укрепление границы – про том, что казахи безусловно наши подданные. Неплюев, в отличие от предшественников, был сориентирован на казахов – и справедливо – чрезмерное увлечение его предшественниками на протяжении ряда лет «башкирскими» проблемами в итоге

²⁰³ Выскажем предположение – теперь уже все знали, что из себя представляет на самом деле служба в оренбургской комиссии.

²⁰⁴ Витевский В. Ук. соч. - С.427.

привело к тому, что казахи как бы «выпали» из-под внимания российской администрации.

Неплюев получил назначение в январе 1742 года, и уже 26 апреля прибыл в Самару. Разрешение задачи укрепления границы было начато им с ознакомления с реальной картиной и последовавшим пересмотром концепции обороны. Граница на тот момент была более чем условной. Ее как бы образовывали 22 крепости, каковые можно так называть только с огромным преувеличением.²⁰⁵ Власть командиров крепостей кончалась за пределами таковых. Все эти крепостицы были как островки российского присутствия в степи. Никаких крепких коммуникаций между ними практически не существовало. Зимой связь нередко прерывалась вообще. Командиры съезжались в Орскую крепость²⁰⁶ раз в год, осмеливаясь передвигаться только с многочисленным конвоем. Лишь кое-где, также автономно, существовали казачьи поселения. Неплюев совершил объезд крепостей по линии, осмотрев все населенные пункты от Самары до Орска, в том числе и новое место строительство главного города. Будучи прагматиком, он взвешивал не только доводы в пользу того или иного варианта, но и состояние уже сделанного. 23 июля, находясь в Орске, он однозначно высказался против продолжения строительства там. Основные причины: «1) то место безлесно; 2) построена на поемном месте и по сему к житью нездорова; 3) для произведения торговли, по отдаленности и по опасности в проездах купцам российским, неспособная; 4) в проезд к той крепости по пустым местам всегда подвержены были купеческие капиталы граблению от киргизцев, что и ежегодно исполнялось».²⁰⁷ Обращение к казалось бы уже отринутому варианту («Кириловскому») объяснялось тем, что в Оренбурге на месте №2 («Татищевский») практически ничего еще не было сделано. «Татищевский» вариант имел неоспоримые преимущества, но это тоже был не самый удачный выбор. Первое место было выбрано вынужденно – а точнее, куда дошли, там и основали. Столь же вынужденно выбрано было и второе – на Красной горе – с исправлением явных недостатков первого. Это было лучше; но исправив одни просчеты, основатели допустили новые. И только Неплюев задался вопросом подыскания не просто удобного места, и наличия там условий для строительства,²⁰⁸ но и возможностью реализации задачи, ради которой вообще все строительство затевалось. Речь идет о коммерции. Всем, кто занимался делами Оренбурга ранее, было не до торговли и караванов. Неплюев правильно решил, что не традиционные караванные пути нужно заворачивать в Оренбург, а город строить как можно ближе к таковым. Вот почему при поисках нового места этот момент также учитывался.

При этом, разумеется, не были забыты и элементарные условия для нормального существования города. Неплюев вполне резонно рассудил, что необязательно начинать город на пустом месте; более правильным было бы использование уже существующего заселенного места, как бы апробированного. Осмотрев несколько выбранных участков, он остановился в итоге на Бердской слободе, где побывал еще 4 июля во время инспекторской поездки.

В своем докладе в Сенат Неплюев приводил следующие доводы в пользу Берды: рядом находятся две реки - Яик и Сакмара – а потому возможно обеспечить стройку

²⁰⁵ Уж если «главный» город – Оренбург – выглядел убого, то чего можно было ожидать от других «крепостей»?

²⁰⁶ Напомним, что именной указ от 9 августа 1739 г. повелевал начатую Кириловым стройку именовать Орской крепостью.

²⁰⁷ Витевский В. Ук. соч. - С.428.

²⁰⁸ В докладе Сената от 15 октября 1742 г., явно с подачи Неплюева, приводился весомый довод против Красной горы: если браться здесь за серьезное строительство, то через пять лет леса не станет в окрестностях 50 верст от строительства. [ПСЗ. – Т. 10. - №8630]

лесом, сплавляя его из более лесистых местностей. Место, планируемое под застройку, ровное, можно строить прямо у берега. В окрестностях лучшее хлебопашество и покосы – и это уже проверено. Неподалеку в 25 верстах имеется обилие строительного камня. И, наконец, еще один весомый довод – в относительной близости проходят традиционные караванные пути.

Весной 1743 г. к Бердам был отправлен отряд генерал-майора фон Штокмана. 19 апреля произошла закладка Оренбурга на новом месте. Планировалось «оный оградить рвом и валом с каменной одеждою в цирконференции без мала 5 верст». Не дожидаясь подхода основной массы строителей, Штокман начал возведение периметра крепости силами солдат, находившихся в его распоряжении. Позже прибыли собранные по специальной разрядке тептяри, башкиры, мешчеряки и бобыли, кстати, получавшие за свою работу 2 коп. в день.

До наступления холодов строители успели возвести инженерные сооружения и часть жилых строений.²⁰⁹ Неплюев убедительно доказал, что город за короткий срок построить в принципе можно – но для этого нужна серьезная концентрация сил. Как руководитель, Неплюев вел себя весьма достойно – в отличие от демагога Кирилова все это время он находился в строящемся городе. Легенда утверждает, что он вошел в построенный командирский дом в ноябре – не ранее, чем жители в их дома, а гарнизон в казармы. Об этом факте сообщали практически все мемуаристы. И хотя наблюдается некоторое расхождение: одни писали, что жил он в землянке, а иные – в палатке, суть в другом. В том, что этот начальник ощутимо отличался от своих предшественников – и в лучшую сторону.

К 1747 г. в Оренбурге уже насчитывалось 837 домов, 175 лавок, 4 церкви, имелись гауптвахта, госпиталь, пороховой погреб и несколько казарм для чинов гарнизона. Прежний Оренбург стал именоваться Красногорским укреплением. Бердская слобода была переведена к реке Сакмарю.

Одновременно в строящийся город был переведен все эти годы находившийся в Самаре аппарат комиссии – решение совершенно правильное и своевременное. Тем самым подчеркивалось, что *этот* город – центр управления краем. Неплюев наконец покончил со ставшим к тому времени привычным многовластием: кроме начальника комиссии властные полномочия здесь имели уфимский вице-губернатор и воевода Исетской провинции. Неплюев бросает заниматься проблемами Заволжья – чем в основном занимались начальники до него. В то же время он отказывается от наивных мечтаний продвинуться на Арал. Все внимание теперь сосредоточено на укреплении линии. Два последующих года Неплюев объезжает вверенный ему край, намечая по ходу поездки места для строительства новых поселений и полевых укреплений.

Массовое строительство требовало рабочих рук. Источником стало прежде всего Поволжье. Из центральных районов империи официальным порядком стали переселять в край различные категории служилых людей, главным образом, казаков и городских дворян вместе с их семьями. В нарушение регулярных строгих предписаний Неплюев закрывал глаза на появление в крае беглых. Как и ранее, начальник комиссии поддерживал инициативу пополнения населения за счет ссылки.

Весьма актуальным в этот период становится вопрос о взаимоотношениях с казахами. Как уже говорилось ранее, в свое время едва ли не самым определяющим мотивом, побудившим хана просить о подданстве, было желание получить доступ на пастбища на западе и на том берегу Яика. Поначалу такое разрешение было дано, но постепенно правительство стало сокращать эту возможность. Развязка наступила 19 октября 1742 г., когда появился указ, вообще запрещающий кочевки в районе Яика и Яицкого

²⁰⁹ Не видя необходимости подробно излагать ход строительства города и специфику его архитектуры, адресуем заинтересовавшихся к работам В.В.Дорофеева.

городка, «дабы тако к ссорам с русскими людьми, а особливо с яицкими казаками и с волжскими калмыками никакова поводу не было».²¹⁰ Несколько забегаая вперед, укажем, что чуть позже, в 1755 г., кочевка на левый берег Яика была разрешена как награда за помощь в разгроме восставших башкир. Так что совершенно неудивительно, что казахи стали испытывать к России, мягко говоря, недружественные чувства. Русские же власти не учитывали изменившейся ситуации – казахи при всем желании не могли кочевать там где кочевали ранее - их оттуда просто-напросто вытеснили. Это во многом объясняет и кажущуюся непонятной позицию Абулхайра последних лет – то он сам инициирует русское присутствие, то примыкает к противникам России. В основе всего явно лежало разочарование – русские оказались слабыми союзниками (один жалкий Оренбург чего стоил!) и пользы от них не было никакой. Вдобавок ко всему, российские власти сами не делали ничего, чтобы исправить положение. А.Добросмыслов в свое время заключал, что они и не могли достигнуть благоприятных результатов, поскольку не имели «сколько-нибудь удовлетворительных сведений об истории киргиз, их нравах, обычаях, характере народа...»²¹¹ В немалой степени русские сами провоцировали беспорядки в степи, порой принимая решения, совершенно не учитывавшие местные реалии. Подход с «европейскими» мерками к нравам и обычаям степи был глубоко ошибочен. Скажем, прощение хана за грабеж каравана рассматривалось российской администрацией как прежде всего снисхождение, оказываемое справедливой властью в отношении провинившегося подданного (вдобавок достаточно дикого). Сам же хан, очевидно, видел в подобных действиях прежде всего слабость и бессилие.²¹²

По логике вещей, разрыв был неизбежен, но в события вмешались внешние факторы. В 1742 году вновь началась война казахов с джунгарами. В итоге султан Средней орды Аблай был пленен, а хан Абдулмагоммет (правильнее, как нам кажется – Абдулмухаммед) принял джунгарское подданство. Абулхайр также согласился подчиниться, изъявляя покорность и готовность выдать аманатов. Но одновременно он, как и раньше, решил отыграть «российскую карту», направив послов в Оренбург с просьбой предоставить в случае необходимости убежище его семье в городе – а по сути рассчитывая на защиту. В итоге хитрый хан привел джунгарских послов с собой в Орск. Продемонстрировав им отношение Неплюева – встреча была обставлена весьма торжественно - он, в свою очередь разыграл сцену преданности России, присягнув 23 августа Елизавете. За ним последовали сыновья и султаны. Стиль поведения казахов, на наш взгляд, удачно охарактеризовали наблюдавшие все это джунгарские послы. Они указали Неплюеву, что «токмо киргиз-кайсацкий народ непостоянный, и на обнадеживаниях их утвердиться весьма невозможно, они де подобны шелудивому волку, который бегая по степи, ищет таких мест, где огни раскладованы, чтобы шелудивый очесать, тако де и киргизцы на обе стороны, то есть: России и джунгарскому владельцу лъстят. А в самом деле ничего от них, кроме воровства, ожидать не должно».²¹³ И действительно, Абулхайр, едва избавившись от джунгарской опасности, вновь попытался заняться шантажом. Задумав заменить сына Хажиахмета, бывшего аманатом, другим сыном, Чингизом, сыном от наложницы – и потому менее ценным, он грозился немедленно покинуть Оренбург, заявляя в обиде, что «сам по своей воле

²¹⁰ Казахско-русские отношения в XVIII - XIX веках. Сб. док-тов и мат-лов. – Алма-Ата, 1964. - С.14.

²¹¹ Добросмыслов А. Тургайская область. - С.45.

²¹² «Ханы смеялись над русской властью и ее бессилием». [Красовский. Материалы для географии и статистики России. – Ч. I. – 1868. – С.67-68.] Добросмыслов повторяя эту мысль Красовского, полностью солидаризовался с таковой. [Там же. - С.46.]

²¹³ Там же. – С.43.

вступил» в подданство.²¹⁴ На следующий год Неплюев вновь собирал старшин и султанов для присяги наследнику престола Петру Федоровичу. Показательно, что Абулхайр уклонился от свидания. И хотя ряд авторов видят в этом непрощенную обиду²¹⁵ - что-то вроде «ах, эти дикари, надуваются, ну как дети малые» - свидетельствует это, на наш взгляд, об ином – положение Абулхайра в степи вновь упрочилось и Россия ему опять стала не нужна. Чем лучше ему становилось, тем более нахально и агрессивнo он начинал себя вести. В 1744 г. хан напал на каракалпаков, которых, кстати, сам привел в российское подданство. Тогда же он ограбил послов, едущих из столицы. Вскоре попытался организовать побег сына из Сорочинской крепости, но потерпел неудачу.

В итоге Неплюев предложил т.н. «запасной план». Он полагал необходимым сосредоточить войска на границе в пяти пунктах, чтобы при необходимости можно было бы действовать против казахов в пяти направлениях: от Яицкого городка, от Оренбурга, от Орска, от Уйской линии, и от Сибирской линии. План был одобрен Сенатом в марте 1744 г. Неплюев предложил не просто ряд мероприятий, но фактически новую стратегию на востоке в отношении казахов. Легенда о «верных подданных» была успешно похоронена – Неплюев явно исходил из тезиса о враждебности степняков и потому полагал нужным крепить от них защиту. Важной составляющей его деятельности стало вбивание клина между соседними народами, могущими в случае объединения причинить российским интересам серьезный ущерб.²¹⁶ Как уже отмечалось ранее, постепенно, естественным образом стали вырисовываться признаки если не грядущего объединения казахов и башкир, то, по крайней мере, возможного единения и совместных акций. Ярким примером являются действия Батырши, возглавившего очередное башкирское восстание. В своих обращениях он адресовался ко всем правоверным. После разгрома восстания до 50 тысяч башкир ушли к казахам. Неплюев поступил достаточно жестко – заслал к последним грамоту, жалующую их «женами и дочерьми и именем перебежавших к ним башкирцев». Одновременно башкирам косвенно было дано понять, что российские власти не будут особо препятствовать мстителям. По линии было приказано сделать вид, что не замечают продвижения вооруженных башкир на казахскую сторону. Узел взаимных обид и претензий затягивался все туже и туже. Наконец, Неплюев выступил в качестве единственно приемлемого миротворца, приказав всем откочевать от полосы российских крепостей. Так были решены несколько задач: разрушен намечавшийся был союз башкир и казахов, усилена значимость российских властей, ощутимо улучшилась безопасность крепостей по линии.²¹⁷

²¹⁴ Замена случилась только в 1748 году. Всего Хажиахмет провел в аманатах 10 лет.

²¹⁵ Во всяком случае, именно так объясняет ситуацию А.Добросмыслов. [С.45.]

²¹⁶ Нам кажется не совсем правильной точка зрения некоторых авторов, убежденно писавших об опасениях Неплюева относительно возможного объединения «мусульманских» народов. Думается, религиозный фактор не был для него определяющим – беспокойство вызывало любое возможное усиление (не только башкир, но и калмыков, например).

²¹⁷ Последующие события (уже без участия Неплюева) также положительно повлияли на ситуацию. На протяжении ряда лет набеги казахов повторялись практически ежегодно, пока наконец Абулхайр не погиб в 1748 г. в одном из столкновений с соседями. В дальнейшем активность казахов обрела новое направление - в Джунгарии начались междоусобицы, в 1755 г. туда вторглась китайская армия и до 1758 г. продолжалась война. В происходившем активно участвовали казахи – преимущественно Среднего жуза. В итоге громадные территории Джунгарии обезлюдели – и потому казахи стали их заселять, ошутимо потеряв интерес к западным территориям вообще, и к российским границам в частности.

Указом 15 марта 1744 г. огромные пространства Южного Урала обрели, наконец, административную завершенность – была образована Оренбургская губерния. В указе говорилось, что «оренбургской комиссии делам быть в той же губернии, а особливую комиссию не именоваться, ему же губернатору ведать и киргизский народ и тамошня пограничныя дела так, как поныне в оренбургской комиссии находятся».²¹⁸ Ранее российская власть фактически была лишь там, где были россияне. Теперь же границы новой губернии Российской империи как бы очерчивали территорию, безусловно воспринимаемую как часть единого целого. В пределах ее действовали российские законы, порядки, правила – общеобязательные для всех, на ней находящийся. Начинался новый этап в истории края.

²¹⁸ Там же. - С.47.